

Лётчик

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Коробов В. А.

Виктор Анатольевич Коробов

Лётчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51852160

SelfPub; 2020

Аннотация

Лётчик-любитель попадает из 2019 года в 1940. Убедившись, что раскрывать свои знания о будущем может быть опасно, он решает воевать на истребителе И-153 Чайка. Содержит нецензурную брань.

Эта Чайка как бы сама у нас появилась, мы её не хотели. Пришёл как-то мужик к нам незнакомый, оказалось, что директор местного краеведческого музея. Мол, у них в ангаре стоит И-153, но в таком состоянии, что показывать его неудобно, да и негде... Ангар не приспособлен, места мало. А мы, типа, восстановим, а тогда можно и показать, не только на земле, но и в полёте.

Мы не очень-то хотели на такое подписываться – кто будет восстанавливать, на какие средства? Но он никаких условий не ставил, ни сроков. Мол, забирайте, а там, если не пойдёт, так и вернёте. А если сделаете – числиться она будет за музеем, а вы пользуетесь, пока я директор (а это ещё минимум 14 лет до пенсии, потому что никто на эту должность не хочет).

Ну, постепенно народ стал сначала разглядывать Чайку, мотор пытались запустить. Потом предложения всякие, чем крылья покрыть и хвост. А потом наши мотористы вдруг заинтересовались мотором. Сняли его, весь на винтики разобрали. Не знаю, что они там делали, я летать люблю, а не в моторе копаться. Но что-то вытачивали на станках, что-то заказывали новое. Современный-то мотор дурак поставит, но зачем? Современный мотор и ставить надо на нормальный самолёт. Видимо, им было интересно, зафурычит ли родной мотор. Поначалу он совсем был мёртвый, хотя по виду и целый.

А когда мотор заработал (как-то очень громко), сначала «стреляя» то одним, то другим из своих девяти цилиндров, а

потом ровно и уверенно, вдруг оказалось, что многие об этой Чайке уже думали, как её до ума довести. Элероны поставили, из алюминиевого профиля, нашли подходящий пластик на обшивку, да почти всё поменяли. Только внешний вид приборной доски в кабине сохранили, всё-таки музейный самолёт. Кстати, мотористы принципиально заправляли её 72-м бензином. Они бы и похуже что залили, да не нашлось...

Понятно, что при таком энтузиазме, многие захотели и полетать на раритете. Но все понимали, что это опасно. На современных яках и сесснах мы неплохо летаем, но на них летать легко, хорошие самолёты. Чайка – она другая. Хищная. Это же истребитель. Вся заточена под сверхманевренность. А это значит, что с устойчивостью у неё плохо, трудно и взлетать, и садиться, и даже просто держать курс по сравнению с Як-52 трудно. Ну и мощность – теоретически М-62 должен 1000 лошадок давать, очень немало по сравнению с 360 яка. Но как там его наши мотористы восстановили, не знаю, боюсь, что реально он побольше выдаёт. В общем, незнакомая, мощная и очень трудно управляемая машина, все шансы угробиться.

В аэроклубе, естественно, лётчиков-испытателей нет. Но я считаюсь хорошим лётчиком, и когда к нам новенькую Сессну-207 привезли, я на ней первым взлетел. Вот и сейчас на меня стали посматривать. Но я наотрез отказался сразу взлетать. Сначала надо на земле порулить, привыкнуть, потом пара разбегов без взлёта, а там посмотрим. Народ попе-

реглядывался, поворчали некоторые, но очень тихо. Да пожалуйста, пусть летят первыми, кто хочет. Хотя есть у нас тут такие, без башки, ставлю 50% что разобьются. Лучше уж я...

В общем, только на третий день я согласился взлететь. За это время попривык к ней немного, разбегов не пару, а целых шесть сделал. Её при разбеге в сторону ведёт, и надо это компенсировать педалью и штурвалом. Чувствуется, что Поликарпов не слишком заботился о таких мелочах, как удобство пилота и комфорт. Кабина – больше не на кабину похожа, а на кресло аттракциона типа модернизированных американских горок – кажется, что полные штаны адреналина – это и есть цель этой машины.

Но в воздухе Чайка вела себя неплохо. Как-то я сразу почувствовал, что она может, и захотелось мне испытать её знаменитую сверхманевренность. Набрал тысячу метров, отошел на пару километров к северо-востоку, там, если что, внизу поля в основном. И начал крутиться. Ну, что сказать... Я ожидал большего. Да, мотор довольно мощный для лёгкого маленького самолётика. Да, вираж быстро выполняет. Но чувствуется, что самолёт допотопный. Где-то что-то недопродумано. Я привык, что як сам летит, можно его заставить что-то сделать, какую-то фигуру, а можно расслабиться. А тут... Как программирование на ассемблере по сравнению с современными языками – всё сам. Например, шаг винта надо ставить вручную.

В общем, быстро я устал, и пошёл домой, ещё посадка впереди. Что такое? Уж не заблудился ли я, пока крутил виражи? Это не наш аэродром! Это фигня какая-то...

С другой стороны, это явно аэродром, вон и самолёты стоят. Другого аэродрома поблизости нет. Да и не мог я далеко улететь! Не ошибаюсь я в навигации так сильно. А тут и летал совсем недалеко, и недолго, и помню я всё. А, плевать – приземляюсь, и будь что будет. Бензин ещё есть, на полчасика, а вот идей нет...

На посадке Чайку опять повело в сторону, почти как на взлёте, но я уже знал, как это компенсировать. Всё внимание сосредоточил на том, чтобы крылом землю не задеть и чтобы не развернуло. Наконец, выключил зажигание и остановился. Мотор у чайки сильно орёт, а тут тишина настала. Смотрю – у крыла три хмыря стоят. Почему хмыри – а смотрят хмуро и как-то недобро. А ещё – они одеты в форму, но не современную, а с петлицами, времён войны. Я в этих кубарях не разбираюсь, но явно посредине главный, а по краям – тоже какие-то чины, не простые красноармейцы. Реконструкторы какие-то? Но ведь и кругом всё не то – вон самолёты стоят – это же чайки и ишаки! Нашего ангара и здания аэроклуба тоже нет, но есть какой-то сарай с окнами, и ещё что-то типа барака деревянного.

Ладно, не сидеть же сиднем в кабине, вылажу. Опа! А во что это я одет? Форма военная, как у хмырей. Так – либо я – это не я, либо мне пора в дурдом. Но виду подавать нельзя...

Снимаю с головы шлем, как будто за этим я и остановился, и прыгиваю вниз. Приземляюсь неловко, потому что какая-то фигня между бедром и животом застряла. Так, это планшет, он висит на плече. А это? Кобура. А в ней, должно быть, пистолет.

– Товарищ Панкратов?

– Ну.

– Баранки гну. Не ну, а я. – тут главный хмырь отдал мне честь, и продолжил: – Старший лейтенант Жизневский. Тут вам не Москва, тут мы вас научим соблюдать устав. Ваши документы.

Так, отдавать честь с пустой головой нельзя... Это хорошо. Я в армии давненько служил, уже перезабыл всё, больше 20 лет прошло. В нагрудном кармане у меня явно что-то есть, вероятно, это документы? Достая всё содержимое и протягиваю Жизневскому. Тот долго и внимательно изучает каждый листочек. Мне бы тоже неплохо взглянуть... Но неудобно заглядывать в собственные документы, снимаю пока парашют.

– Лейтенант Панкратов, пройдёмте в штаб, – голос Жизневского холоден, как будто по документам я выхожу врагом народа. Он отправляется в сторону сарая с окнами, видимо, это штаб. И документы мне не отдал... И тут один из хмырей мне подмигивает за спиной Жизневского и пожимает плечами с виноватой улыбкой. Ага, слава Богу, кажется, здесь есть нормальные люди.

А ведь похоже, что Жизневский обиделся, что я снял шлем и не отдал ему честь. А я машинально снял – взопреп весь, когда увидел столько поликарповских самолётов, не должно их быть нигде в таком количестве. Ну и тогда я не догадывался ещё, что я лейтенант.

В штабе за столом сидит явно начальник. Но вот его звание... Надо срочно разбираться с их обозначениями, а то запалюсь. Для начала запоминаю петлицы Жизневского – он старший лейтенант. Сам я, значит, лейтенант, два кубика против трёх у Жизневского. Те двое, что с ним были, по одному кубику, несомненно, младшие лейтенанты. А у этого – две полоски, кажется, это «шпалы».

– Товарищ майор, вот привёл лейтенанта Панкратова, прибыл на чайке для прохождения службы, – Жизневский снова отдал честь, и снова без ответа – майор без головного убора сидел. Мои документы он майору передал.

– Свободен, старший лейтенант. А ты, лейтенант, садись. Значит, хочешь у нас служить?

– Да не то, чтобы очень стремился...

– Вот как... Интересно. А машина у тебя в порядке? Или старьё? Как долетел – путь-то не близкий?

– Машина у меня после ремонта, мотор перебрали, обшивку вообще экспериментальная, ни у кого такой нет. А вот вооружение... фактически, это муляжи, стрелять не могут, и патронов нет.

– Как так! Совсем не годятся? Нельзя отремонтировать?

И так все четыре?

– Менять надо, а этот хлам списывать.

– Вот жуки... По документам у тебя просто «оружие неисправно», но чтобы все четыре совсем в хлам... Где же мне их взять? Ммм... Слушай лейтенант, так, Михаил, слушай Михаил... Тебе ведь не принципиально, в каком полку служить? Ты ведь не именно к нам стремился? Есть тут поблизости 48-й истребительный полк... Я могу попробовать тебя туда направить, а у нас их лётчик хочет служить. У него тут друзья. Ты целый лейтенант, а он младлей, выгодный для них обмен. А пулемёты они тебе поставят, у нас всё равно нет, и неизвестно, когда будут.

– Да мне всё равно (а может, оно и лучше, я в том полку появлюсь не прямо с неба, а из этого полка, ну и хоть немного освоюсь здесь).

– Ну тогда ты пока погуляй, да вот в столовую сходи, скажешь, что майор Матвеев приказал накормить, а я пока поговорю с ними, надеюсь, они не против будут.

– Товарищ майор, а вы мне документы отдадите сейчас? И старший лейтенант Жизневский – он поверит мне на слово?

– Так... Документы: это бери, а это я пока оставлю, могут спросить те, из 48-го полка. А Жизневский... Старайся его избегать, у нас все так делают. А если встретишь – всё по уставу, да построже.

– А где у вас столовая?

– Как выйдешь, направо, а там увидишь, – и майор демон-

стративно устался в бумаги, намекая, что мне пора. Ну, ок.

Никакой столовой я не вижу. Барак – это явно казарма, и он налево. Но мне сейчас собственные документы интересны. Так... Панкратов Михаил Семёнович, да, это я. Меня в аэроклубе мамонтом называли. Сначала кто-то сказал, что я анти-Будёный, тот был Семён Михайлович. Будёный против Мамонтова воевал, ну кто-то и пошутил, что я Мамонтов, а потом до мамонта сократили. Год рождения 1915. Как так? Тогда сколько мне лет? Судя по обилию чаек на аэродроме сейчас конец 30-х, раньше их не было, а позже всех перебили. Мне сорок лет, значит, должен быть 1955-й? Но тогда авиация уже реактивная была, и погоны...

Ага, это, кажется, столовая. Никакого здания, просто столы и лавки под навесом посреди рощи. А-ля полевой стан в колхозе. И девицы соответствуют – в платочках, платьицах ситцевых. Есть и симпатичные, но... Какие-то в основном коротконогие и пухленькие. А мне больше нравятся стройные, пусть даже грудь и поменьше будет. Да, кажется, мне и вправду меньше 40 лет, судя по реакции на девиц...

– Майор Матвеев велел меня накормить.

– Садитесь, товарищ лётчик, сейчас борщ будет. А как вас зовут?

– Миша.

– А меня Халя. А вы женаты?

– Нет, но меня, кажется, в 48-й полк переводят.

– Жаль...

– Ничего, у вас тут немало лётчиков.

– Да, но половина женаты, а остальные выпивают.

А вон у них зеркальце висит над умывальником. Надо посмотреться, какой я. Заодно и руки помою. Слава Богу, это я. Но мне точно не 40 лет. Не юнец, но молодой. Тогда всё сходится – мне 23-25 лет.

Вот и борщ... Халя щедро добавила сметаны. Борщ, такое впечатление, что изначально был вегетарианский, одни овощи. Но в него добавили кусочки жареного сала. И какие-то шарики из теста запечённые. В результате довольно вкусно получилось и сытно, он густой такой, наваристый. На второе котлета с пюре. Как они такую вкусную котлету сделали? Видимо, секрет в свежем мясе, вряд ли у них есть холодильник. На третье компот – много вишен, яблоки, груши. Сахара мало, но вкусный компот. Халя мне и второй стакан наливает, заметила, что мне понравилось. Похоже, она ищет путь к моему сердцу через желудок.

А кто это у моей чайки отирается? Кажется, её собрались заправлять. Ладно, мне пора к майору. А девиц уже три на меня смотрят, как на жирафа.

– Девушки, спасибо, мне в штаб срочно.

Майор, кажется, очень доволен: – Товарищ Панкратов, я всё согласовал и вот вам предписание завизировал, сейчас вашу чайку заправят, и отправляйтесь в распоряжение товарища майора Петрова в 48-й истребительный авиаполк. А реально явишься к капитану Назарову, он начштаба, как и

я, я с ним и договаривался о тебе. Тебе координат их достаточно, или курс проложить?

Чуть не сказал, что координат хватит. А где я нахожусь? Не спрашивать же, я же как бы сам сюда прилетел.

– Лучше курс.

Майор протягивает руку, и я, подумав секунду, отдаю ему планшет. Майор старательно рисует маршрут, ставит отметки, даже язык высунул. Похоже, ему нравится штурманская работа. И тут вбегает какой-то воняющий бензином чел в промасленной спецовке. Вскидывает руку к виску и тараторит:

– Товарищ майор, чайка товарища лейтенанта заправлена. Не хотите ли сходить посмотреть?

– С чего это? Я что, чаек не видел?

– Ну... Она... Она голубая с белым.

– Свободен, Хользунов. Панкратов, вот твои документы, если вопросов нет, с Богом.

– Спасибо, товарищ майор.

Наконец-то можно изучить документы, хотя бы мельком. Вот дата на предписании: 28 августа 1940 года. До войны ещё почти 10 месяцев. А мне, значит, 25 лет. Что ещё можно узнать? Лейтенант, командирован в 55 истребительный полк... Стоп. Что-то знакомое. Не Покрышкинский ли это полк? Точно! Начштаба Матвеев – о нём же Речкалов писал. А я добровольно отказался здесь служить... С Покрышкиным и Речкаловым. А мог бы увидеть своими глазами Хар-

халупа, Фигичева, Зибина. Жизневского вот, уже видел. Это же тот козёл, который Речкалова к жене не отпустил из-за окурка. Верно Григорий о нём написал... Может, тогда и его мнение о Покрышкине правильное? Ну, увы, проехали... Мне пора в неведомый 48-й полк... Судьба.

– Товарищ лейтенант, а что это у вас за самолёт?

– Чайка, шо, не бачишь? (кажется, из какого-то анекдота).

– Но почему она такая? Это что? – и он похлопал по крылу.

– Покрытие экспериментальное. Типа оргстекла, но, как видишь, непрозрачное.

– Это у вас в Москве такие?

– Нет, одна штука и есть. Дорого оказалось, решили не делать. А эту испытали, и в войска.

Это он ещё свечи не видел. Мужики, естественно, современные поставили. Зато нормально работают, а в их время дерьмо были свечи. Жаль, запаса у меня нет. Ну ладно, мне пора.

– Винт провернёшь, товарищ Хользунов?

– Да.

Второй мой взлёт на чайке, но уже её капризность воспринимается как что-то привычное. Другим голова забита. Точнее, разброд в голове, не пойму, о чём в первую очередь думать. Всё само идёт, ничего не обдумано. Пока везёт, но если за меня возьмётся особист? Интересно, тот, кто меня сюда заслал, заступится? Или всё сам теперь?

Куда лететь – я давно понял, ещё пока Матвеев маршрут рисовал. Даже запомнил. Да здесь и лететь то 15 минут. Можно было не заправлять.

Аэродром почти такой же, тоже сарай с окнами и барак, и лесок рядом, и даже есть ручей. Пожалуй, даже поуютнее. Вон деревушка на несколько домиков в километре. А что до города дальше (а это Бельцы), так мне насрать. А вот ишаков не видно, одни чайки.

Сразу с деловым видом направляюсь в штаб. Кажется, я уже понял, где искать начальника, система такая же, как в 55-м. За столом дядька под полтинник, подстрижен под ноль. В петлицах одна шпала, наверно, он и есть. На этот раз я в шлеме, отдаю честь (а если не совсем так, то пусть думают, что в Москве такая мода).

– Товарищ капитан, лейтенант Панкратов прибыл для дальнейшего прохождения службы, – и протягиваю документы.

– Садись, лейтенант, – капитан начинает изучать документы. В штабе темновато, но его это не смущает. – Расскажи, что у тебя с самолётом.

– Это, товарищ капитан, экспериментальная машина. Совершенно новое покрытие крыльев и хвостового оперения, на основе оргстекла. Ну и кое-что в моторе изменили, подробностей не знаю. Испытывали три месяца, затем мотор перебрали, что-то поменяли. А вот вместо пулемётов с самого начала установили что-то списанное, только чтобы вес

был. В результате в серию машина не пойдёт, вот в войска её и послали. А пулемёты так и не поставили.

– Да, товарищ Панкратов... Задача. Где пулемёты-то брать? Нету их у нас. Без оружия ты служить не можешь, у нас боевой полк, хоть и некомплектный. Можно заявку послать официальную, но это дело долгое. Машины лишней для тебя нет. Что делать будем?

– Товарищ Назаров (надеюсь, это он и есть), я считаю, ШКАСы не лучшее оружие в будущей войне. Может, можно поставить два пулемёта, но крупнокалиберных? Или две пушки, как на ишаке. Ещё хорошая вещь ЭрЭсы, надо будет обязательно поставить не позже весны.

– Ишь ты какой шустрый... нам и ШКАСы достать трудно, а уж пушки – нам их просто не дадут. А о чём это ты говоришь, какие ЭрЭсы?

– Реактивные снаряды, калибр 82мм, подвешиваются под крылья. Запал электрический, можно и по самолётам, и по наземным целям стрелять. Мощное оружие, и дальнобойное, хоть и не очень меткое, разброс большой.

– Это у вас с Москве такие?

– Здесь тоже должны быть, надо запрашивать.

– А скажи мне, лейтенант, летаешь ты хорошо? Из твоих документов это непонятно.

– Летаю неплохо, если часы налёта посчитать, так выйдет немало. Но есть два слабых места: на чайке я мало летал, а стрелять и вовсе толком не умею.

– А на чём летал?

– В основном на яке. Ну, ещё один иностранный самолёт был, но не боевой.

– Ого! А я яков ещё и не видел. Хороша машина?

– Да, неплохая. Быстрее чайки, но, конечно, не такой маневренный. Управление намного легче, ну и вооружение – есть пушка 20мм и два пулемёта.

– Охлаждение водяное?

– Да.

– И как тебе?

– Эффективнее воздушного, зато в бою уязвимо. В общем, не знаю, что лучше. Но я бы лучше на яке летал, а мне вот дали эту чайку.

– Слушай, Михаил – а ты можешь честно сказать, за что тебя к нам сослали? Из Москвы в нашу тьмутаракань?

– Говорят, я странный. Ну и услали на всякий случай. А если бы что-то серьёзное было – так я бы уже осознавал там, где люди исправляются.

– Ну ты загнул... Ладно, верю. Значит, Михаил, так поступим: летать тебе пока не надо, напрасно бензин будем жечь. Стрелять пока не из чего. Я тебя в отпуск отправлю. А вернёшься – там, глядишь, и пулемёты подоспеют. Будешь тогда и стрелять, и чайку освоишь. Сегодня заночуешь, я документы подготовлю. А завтра получишь деньги, и в отпуск на 30 дней. Не считая дороги. В общем, место пока выбери в казарме, потом поужинаешь. С машиной решим, доставят

тебя до города.

На этот раз я ужинал в компании двух десятков лётчиков, и меня активно спрашивали и о Москве, и о мне самом. Но мне не хотелось много рассказывать, и я отговорился тем, что голова идёт кругом – отпуск неожиданный, а мне жить негде. В прежнюю казарму хода нет, и родственников нет. И лётчики мне подсказали, что есть такое управление в Москве, расселяют лётчиков командированных, но и отпускиников, оказывается, тоже селят в общежитие. И адрес дали. Только о Як-1 я рассказал, что знаю, эта машина всех интересовала. Ещё об эРэСах упомянул, но тут никто о них не знает. А кормят лётчиков неплохо.

Я человек неприхотливый, могу и в палатке спать, в спальнике. Но здешние кровати с продавленной сеткой... Да настелили бы доски, и то лучше. Хорошо хоть, насекомых я не заметил.

С утра мне выдали документы на отпуск, а просто так шляться без документов здесь не положено, и я отправился в кассу. Получил 816 рублей с копейками. Вот не знаю, много ли это на месяц с лишним. Машина скоро отправляется, полуторка. Кабина из фанеры, стёкла оконные, прямые. Кажется, мощность мотора какая-то ничтожная. Мне предложили в кузов лезть, там лавки вдоль бортов и кабины. Как выяснилось, рессоры у этого недоразумения советского автопрома отвратительные. ГАЗ-66 по сравнению с ним – это шедевр и комфортная машина. Меня так швыряло, что доехать без

травм стало моей главной задачей. Тут ещё и пыль такая, что я весь покрылся слоем пыли. 50 километров мы ехали три часа. Благодарить шофёра я не стал, хотя тот и не виноват. Стало понятнее, почему местные всё время упоминали, что 48-й полк «от города далеко». В наше время 50 км это проблема небольшая, а тут... Это меня ещё облагодетельствовали, машину дали.

Но это оказалось только начало длинного пути в Москву. Вокзал в Бельцах – маленький ад. Люди тут дожидаются в очередях не часами – сутками. К счастью, в воинскую кассу очередь отдельная. Но и в ней я простоял больше трёх часов. То есть, я, конечно, не стоял. Занял за лейтенантом артиллеристом, и предложил ему по очереди стоять. Но он, чудак, боялся отойти из очереди. Мол, полтора года ждал этого отпуска. Ну а я спокойно отправился в буфет. Единственное место на вокзале, где безлюдно, тихо и спокойно. Пообедал впрок на 5.5 руб. – очередь почти не продвинулась. Пошёл погулять. Вскоре стало понятно, почему в буфете пусто. Перед вокзалом чем только не торгуют – вареники с вишней и с картошкой, пирожки, жареная курица, картошка, огурцы, яблоки... За вдвое меньшие деньги, чем в буфете, можно неплохо покушать. Получается, здешняя копейка не меньше нашего рубля. И у меня, выходит, 81 000 ещё остаётся. По здешним меркам, кажется, немало, народ здесь небогато живёт. Купил ещё бритву опасную, мыло, полотенце.

Наконец, очередь подошла. Мне оформили плацкарту до

Москвы с пересадкой в Киеве. Там ещё, в Киеве, надо как-то «перекомпостировать». Взяли с меня смешную сумму, меньше пяти рублей. Кажется, я начинаю понимать, почему девушки здесь лётчиков любят. Нам неплохо платят по здешним меркам.

Поезд вечером уходит, пока можно погулять по Бельцам. Городишко уютный, в центре дома с претензией на архитектуру, по краям – деревня. Но чистенько, жратва вкусная и недорогая. Пожалуй, отдохнуть и здесь можно, с моими деньгами. Нет, со скуки здесь сдохну... Да и, похоже, судьба ведёт меня в Москву. Сначала зачем-то забросив сюда, в Бессарабию.

Вечером оказался я в общем вагоне. По идее, в общем на три полки, нижнюю, верхнюю и третью должно быть три человека. А тут было аж пять. Кое-где четыре. Откуда столько набилось – не знаю. У всех ли были билеты, или некоторых подсаживали проводники? В результате, первые две ночи я спал сидя. Всё затекло, всё отсидел... Радовало только, что на станциях вкусности продавали, одних вареников я съел штук сто. А останавливался поезд часто.

На третью ночь я оккупировал третью полку на два купе ближе к туалету, и уже не уступал её до Киева. Да, тесно и душно, зато можно спать вытянув ноги. С моим ростом 182 это важно.

В Киев приехали на пятый день утром. Я в дороге спросил проводника, что значит «перекомпостировать» и как это

сделать. Практически это сводилось к тому, чтобы подойти снова в воинскую кассу. В Киеве вокзал заметно цивилизованнее, и я стоял в кассу лишь около часа. И вот я счастливый обладатель прямой плацкарты до Москвы, отправление сегодня вечером. Неплохо, можно погулять по Киеву.

Город оказался уютным, симпатичным. Но – не таким, как я ожидал. Я Одессу такой представлял. Евреев очень много, мне показалось, что больше половины населения. Часто они говорят и кричат на своём языке, но не на иврите, а на идиш, что и значит на идиш «еврейский». Остальные говорят по-русски, а собственно украинцы где? Я только двух заметил, которые, как мне показалось, по-украински говорили. А они заметили мой интерес, и спросили, что угодно пану. Когда я спросил, не украинцы ли они, они ответили, что поляки, мне показалось, что со скрытым негодованием. Ага, будущие бойцы Андерса, вероятно. Значит, не все они сидят. Ну, держите шутку:

– Панове, верите ли вы в Езуса и матку Бозку? – панове неуверенно кивают. – Тогда запомните крепко, так, чтобы и через пять лет помнить: никогда, ни за что не ходите в атаку под Монте-Касино.

– Это где, в России?

–Нет, Италия.

Если выживут, будут рассказывать, как встретили в Киеве ангела. Каковым я, вероятно, и являюсь...

Посетил я и Софию киевскую, и Печерскую лавру. Я в

форме, пилотку за ремень засунул. Так что на меня косились, больше я военных не видел в церкви. Но я купил свечек, поставил. А что? Скоро война, будет ли ещё такая возможность? А Печерская лавра – она одна. Я бы и с монахом каким-нибудь поговорил, но не встретил никого подходящего.

Поезд Киев-Москва тоже был цивильнее украинского. На три места строго три человека. Так что я сразу занял третью полку, конкурентов не было. А вот со жратвой на станциях стало хуже. Но – о чудо – через сутки + ещё ночь мы уже приехали в Москву! Весь пыльный, помятый и не мывшийся в этом мире ни разу, я сразу потопал в управление по расселению. Там деваха, довольно симпатичная, в моём вкусе (ей бы ещё лицо поинтеллигентнее), отчаянно строя мне глазки, выписала мне документы в командирское общежитие. Там же недалеко, в наше время в этом районе метро Студенческая.

Заплатил я за месяц проживания – сколько бы вы думали – 2.7 рубля! Правда, в комнате нас пятеро, а кроватей даже шесть. Могут ещё одного подселить. Кровати того же типа, что в казарме, но новее, не продавленные. И бельё чистое. Я, конечно, занялся мытьём и чисткой одежды. Есть тут на первом этаже такие помещения. Но не душ почему-то, а тазики. Наливаешь воду (горячей воды нет), и мойся, как хочешь. Ну, хоть так. Вода не очень холодная, терпимо. Надо будет в баню ходить... Форму я почистил щёткой и погладил

холодным, но тяжёлым утюгом.

Чем характерны местные – легко знакомятся. Нет такого отчуждения. В поезде я чего только не наслушался. Зато теперь лучше понимаю этот мир, по сути, довольно простой. Вот и теперь мои соседи – три младлея и лейтенант, сразу втянули меня в разговор на актуальную тему: как бы пройти по бабам. Здесь, оказывается, недалеко есть заведение, типа ресторана или ночного клуба, и там можно снять девицу. Беда только, что к нам её вахтёр не пустит, но можно через окно. Рублей за 15 там можно посидеть, и с вином. Ну, я не большой любитель выпивки. А вот 15 рублей я могу хоть каждый вечер тратить, я же лётчик.

Ещё в поезде я наметил стратегию: не соваться никуда сгоряча со своей инфой из будущего. Сначала поприглядываюсь пару недель, времени-то целый месяц. А то как бы в гулаг не загреметь. Конечно, в этом случае больше шансов выжить, чем на войне, но мне жизнь в этом мире не очень нравится, а уж в гулаге... А вот про лётчиков я в детстве взахлёб читал – Речкалов, Кожедуб, Покрышкин. В общем, повоевать на чайке – это мечта детства. Может, поэтому я и летать стал. Летаю я хорошо, чем я хуже Речкалова? А ведь он выжил. А если и погибну, так неплохой вариант. 41-й... Местным не понять, как это было важно, именно в 41-м задержать немцев. А я-то знаю, что к началу 1943 война практически была уже выиграна. В общем, не пустят товарища Сталина поучать – ну и ладно. Повоюю, посмотрю, трус я или...

Заведение оказалось неплохим – похоже, основная масса сюда не ходит, дорого им. Оркестр играет в живую. Вина я брать не хотел, но увидел в меню хванчкару... Надо попробовать, как она изменилась. Мои товарищи (как-то это слово быстро прилипло) уже танцуют, трое из нас пяти. А я вальс танцевать умею, в школе приходилось. Ладно, почему бы и нет, кого мне стесняться. Опа! Да это же та самая деваха из управления. И ко мне идёт, как к лучшему другу. Цап – и ведёт меня танцевать, как будто мы давно договорились. А зовут её Лена.

Кажется, если я её сейчас не приглашу, она обидится. Вон как смотрит. Ладно, приглашаю и на второй танец. Да... Видимо, приглашение на второй танец здесь воспринимают однозначно. Или это Лена такая? Говорит, что у неё есть комната в Москве. Здесь недалеко. С таким видом говорит, будто у неё дворец, а она тем самым принцесса. Такой натиск... Прямо не девушка, а гусар в юбке. Поручик Ржевский.

Мой опыт говорит, что надо избегать таких, слишком настойчивых. Потому что за этой настойчивостью что-то скрывается, что-то нехорошее. А вот молодое тело, похоже, не против... Ладно, возьмём паузу – как раз еду принесли, надо покушать неторопливо, выпить. Первое, что лезет в голову: а что я теряю? Меня через год уже убьют, и почти всё оставшееся время я проведу в казарме. Даже в худшем случае... Допустим, она уже беременна и хочет скорее замуж. Допустим, я женюсь. Ну и что? Отбуду в полк, потом война... Ну

и буду из рая наблюдать, много ли она выиграла от своего обмана. Ну, деньги с меня получит – так они мне не очень и нужны. Или это гормоны мне такие мысли навевают?

Тут Лена подсаживается за мой столик. Ладно, что тебе заказать? Салатик? Вот вина выпей. А может, и не обманывает она. Здесь люди гораздо проще, подкатывает к лётчику как умеет. Ладно, пошли твою комнату смотреть.

Комната в коммуналке, и вправду недалеко. Кроватей почему-то две. Ладно, опробуем кровать. Хотя я бы предпочёл на полу постелить, удобнее.

Когда мы отдохали после первого знакомства, заявила вдруг Ленина мама. Оказывается, они здесь вдвоём живут.

– Ну и что, можно занавеску повесить, – Лена выглядит уверенной в своей правоте. Ну, будем надеяться на лучшее, что меня не обманывают, просто ей же надо замуж выходить, с жильём в Москве плохо, лётчик – хороший вариант...

Дилемма – в общагу возвращаться или здесь остаться? Жить в одной комнате с мамой, я к такому не привык. С другой стороны, общага – та же казарма. Успею ещё в мужской компании пожить. А вот Лена, похоже, не смущается совсем. Хочет закрепить свой успех...

Днём Лена и её мама на работе, у меня свободное время. Попробую поговорить с товарищами авиаторами из общаги.

Увы, это в песне первым делом самолёты, а девушки потом. Мои соседи о войне и тактике боя говорить не хотят, об эРэСах не слышали и знать не хотят, зато моё знакомство с

Леной их очень интересуется. Комната на двоих с мамой, по их мнению, это очень хорошо. Главное, в Москве. Можно перевестись сюда служить. Одни мне завидуют, другие находят Лену тощей. Ну, последнее для меня не недостаток. В общем, фиаско, облом. А пойду-ка я тогда в баню... Сандуны – чем плохо?

Оказалось, что столь шикарные жилищные условия у Лены – благодаря брату. Её старший брат – какой-то чин в НКВД. Не очень высокий, но сумел себе с женой и двумя детьми целую отдельную квартиру получить, а матери с сестрой осталась комната, полученная им же на троих в начале его карьеры. Я опять услышал поступь судьбы... Надо бы с ним поговорить. Перевод в 48-й полк, отпуск, поездка в Москву, Лена, её брат – может быть, следующие пункты Берия и Сталин?

Выходной день здесь один – воскресенье. Пошли с Леной в парк Горького, а вечером – аж в большой театр. Лена сумела достать два билета для лётчика из боевого полка, для меня, то есть. Ну что – Большой уже тогда был неплох. Да и Сандуны не разочаровали, и парк. А здесь можно жить, в этом времени. Особенно в отпуске, с деньгами и с девушкой. Попросил я Лену, она позвонит брату с работы, договорится о встрече.

Как ни странно, Николай, брат Лены, согласился встретиться со мной днём, пообедать вместе. И уже во вторник, не откладывая.

Николай оказался уже начинающим лысеть блондином с красноватым лицом. Ростом всего лишь как Лена, а это 172. Но заметно толще. Мы в простецкой столовке, где можно пообедать за рубль. Но и качество блюд соответствующее, что и на запахах сказывается.

– Михаил, ты по виду человек серьёзный, лётчик, лейтенант. О чём ты хочешь поговорить – догадаться нетрудно. Хочешь жениться на Ленке, прописаться и перевестись в Москву. Я в принципе не против. С пропиской могу и помочь, они вечно с этим тянут. Но скажи мне – у тебя разрешение от командования есть?

– Какое разрешение?

– Жениться.

– Для этого нужно разрешение? А е..... тоже без разрешения нельзя?

– Раньше было можно. Сейчас строже становится. Вот с июня жениться вашему брату можно только имея разрешение не ниже, чем от командира полка. И есть слухи, что на казарменное положение вас переведут. А ещё – не будут больше присваивать лётчикам младших лейтенантов. Сержантами будут выпускать.

– Абсурд. Ерунда. Разве можно так с лётчиками? Ведь подготовить хорошего лётчика – это дорого. Одного бензина сколько, моторесурса...

– Взят курс на количество. А когда вас тысячи, то и нельзя всем создать тепличные условия.

– А ты, Коля, откуда всё это знаешь?

– А ты, Миша, зря этим интересуешься.

– Ладно, хрен с ним. Я, вообще-то, в Москву пока не соби-
рался переводиться, хочу полетать, стрелять научиться. Зна-
чит, мне и жениться не к спеху. У меня другой вопрос, толь-
ко ты, пожалуйста, серьёзно отнесись. Как думаешь, война
будет? Я имею ввиду, следующим летом.

– С немцами?

– Да.

– У нас с ними пакт. Точка. И не советую болтать лишнее.

– Сон мне был, Коля. Будто 22 июня 1941 года напали на
нас немцы. На рассвете. Воскресенье как раз было. И понял
я, что сон этот вещий. И там ещё много чего было, во сне.
Война была тяжёлая. Так что я теперь много чего знаю о бу-
дущем. А если всё это будет знать товарищ Сталин, то и во-
евать будет легче. Может, и людей меньше погибнет.

– Не советую, Миша.

– Почему?

– Ты, Миша, мне почти родственник. Ленку я всё детство
нянчил, потом защищал. Да и понравился ты мне, понял я,
почему Ленка так к тебе льнёт. Так что объясню, чтобы ты
не пропал ни за грош. Но ты уж мотай на ус. Англия сейчас
с Германией воюет, верно? И если немцы вторгнутся на ост-
ров, то тут им и конец, так? Вот Англия и хочет немцев на
нас натравить, а самой со стороны глядеть, как мы дерёмся.
Очень им это важно, жизненно необходимо. Вот и стравли-

вают нас, как могут. А они умеют. Так что все слухи о нападении немцев – английская провокация. Они десятками путей эти слухи распространяют.

– А если немцы и вправду нападут?

– Тебе какая разница? Ты уже далеко будешь, лес валить или золото мыть.

– Понятно... Тогда только и остаётся – готовиться к войне, а потом воевать. Для военного лётчика обычное дело...

– Да ты не грусти. Если ты прав, и война в июне, у тебя есть ещё время перевестись в Москву. Или ты хочешь на дальний восток?

– Я воевать хочу. Интересно мне с немцами подраться. А убьют – так за Родину, за Сталина, хорошая смерть.

– Да... Лётчики... Я думал, ты практичнее. Впрочем, Ленке такие-то и нравятся.

– Только вот совесть... Вроде я как предатель. Знаю о войне, и ничего не предпринимаю. А ведь мог бы...

– Таких тысячи, кто думает, что спасёт весь СССР, если ему дадут поучить товарища Сталина. Всех не выслушаешь. Ну, можешь письмо написать. А лучше бы послушал меня. Вот ты мне сказал, совесть облегчил, а дальше не твоё дело. Ты думаешь, о войне никто не думает? Да это сейчас главная тема, вся страна готовится. Но не хочет товарищ Сталин войны. Каждый шанс использует, чтобы не воевать. Так что ты, Миша, летай. На Ленке, вон, женись. А в политику не лезь.

Вот и закончился обед, Николаю пора на службу. Это у меня отпуск. Вроде, руку он мне с уважением пожал на прощание. А потом ещё обернулся, и добавил: – Миша, ты умный мужик. Очень надеюсь, что ты глупостей не наделаешь.

Да... И что теперь? Вела, вела судьба, и вдруг бум! Кажется, это именно тот случай, когда без бутылки не разберёшься. Но не продают здесь. Есть пиво, но местное пиво... не то его разбавляют, не то оно изначально водянистое. С креветками бы ещё ничего, но я их здесь не видел. Наверно, есть раки, но мне и они не попадались. Хотя бы вобла была... А так – ну его. Ладно, пойду пока пройдуся, поразмыслию.

А в общем, о чём тут думать? Лезть в кабинеты, добиваться, пробиваться – это не моё. Я и не собирался. Если судьба ведёт, или те, кто меня сюда забросил, вот пусть и подаёт знак, возможность какую-то. А пока что я противоположный знак получил, и довольно ясный. Так что отдыхаю, жду знака. А не дождусь – так в полк, на подготовку восемь месяцев с лишним, и война. Может, вторым Покрышкиным стану.

Мы с Леной дополняем друг друга – она умеет доставать билеты в театры и на концерты, я деньги даю. Ну и ходим вдвоём – одному было бы не интересно. Мне итак не слишком интересно, но впереди казарма и война, так что впрямь надо находиться. Тут ещё такая опция есть – танцы в парках. Живой оркестр, вальсы, и контингент в основном за 20, не дети. Лене танцы нравятся. Я сначала не понимал, зачем танцы, если мы уже познакомились, расставаться пока не соби-

раемся. Но – просто гулять по парку надоедает, а тут развлечение. Не всё же в театры ходить, а кино здешнее я не люблю, к удивлению Лены. Ей хорошо, она не видит, насколько здешние фильмы примитивны. Голливуд ругают, но про терминатора или Рэмбо – это шедевры на фоне того, от чего народ здесь балдеет.

Днём мне делать нечего, и одно время я повадился в Сокольники ездить. Какой транспорт в Москве-40 самый лучший? Метро! Станций пока мало, но и город гораздо меньше, а остальные виды транспорта мне не нравятся. В автобусе я один раз проехал, и больше не хочу. Трамваи здесь часто переполнены и едут не быстро. Вместо такси – извозчики. Эти получше, но тоже медленные, а на маленькие расстояния я пешком люблю ходить. А на метро я от Смоленской до Сокольников доезжаю.

Лена говорила, что Сокольники – криминальный район, но я ничего не опасался, пока... Я зашёл далековато от основных аллей, в сторону железной дороги, и задумчиво шёл по тропинке. Погода отличная, бабье лето. Эти двое явно шли ко мне, а не просто навстречу. У здешних, кажется, есть «воровская походка», вот её они и изображали. А метров за 30 продемонстрировали доставание ножей, одновременно малозаметное и демонстративное. За 30 метров. За 2 метра было бы опаснее. Или уже за спиной. Понятно – отвлекают внимание. Разворачиваюсь сразу всем корпусом – точно, сзади ещё один, идёт ко мне. До него метров 20, руки пустые.

Может, хотели не убивать, а ограбить только.

Боец я не очень сильный, но вот учил меня сам Андрей Дорменко. Как драться против троих я знаю – по одному их надо бить. На все размышления ушло не больше полусекунды, а истребитель и должен быстро соображать. И я побежал на того, который сзади был. Не просто побежал, а с максимальным ускорением. За 20 метров я уже набрал приличную скорость и сходу влепил ему в живот майя гири киком. Он подставил руки, но удар не удержал. Ещё бы, я на скорости весь вес вложил, а мои 78кг по этим временам немало. Только уворачиваться, но он, кажется, не знал, чего ждать. Он согнулся, и получил маваша дзуки в висок. Блин... Удар получился. Я давно не тренировался и сосредоточился на том, чтобы всё правильно сделать. Я знал, что височная кость самая тонкая, но сейчас почувствовал это костяшками кулака. Так бывает, когда яйцо об лоб разбиваешь. Если слабо ударить – яйцо выдержит, а лоб можно ушибить. А если сильнее – яйцо разобьётся, и не больно. Вот такое было ощущение. Убил или сотрясение? А, пофиг. Главное, он упал так, что ясно – быстро не встанет.

Оборачиваюсь к остальным двум. Они, похоже, стояли, а теперь двинулись ко мне. Не торопясь достаю пистолет. Я кобуру не застёгиваю, потому что она грубая, и пистолет итак не выпадет, а доставать быстрее. Ага, остановились. Сам к ним иду неторопливо. Кажется, поднимают руки. Нет, просто расставили их в стороны и слегка присели. Сейчас «ку»

скажут. Их мысли я читаю на их примитивных рожах – фразер сейчас поведёт к ментам, и надо выбрать момент и смыться, или даже напасть. Кажется, не ждут, что буду стрелять. А я бы и не стал, если бы не война. А так – мне надо тренироваться. Во-первых, убивать. Читал, что бывают проблемы, когда убиваешь первый раз. Во-вторых – надо же учиться из пистолета стрелять. Блин... Забыл совсем про предохранитель. Снимаю. Они явно заметили, переглянулись. Остаётся 7-8 метров, пора. До этого ствол был между ними направлен, а теперь я чуть правее целюсь в живот и стреляю. У американцев есть такая поговорка – в живот и в голову стреляй и никогда не проверяй, вот я в живот и стреляю. Пистолет сильно грохочет и дёргается. Второй грабитель вдруг резко метнулся в кусты. Стреляю ему в спину. Промahnуться с 15 метров трудно, я уверен, что попаду. Но он продолжает убежать в лес. Всё-таки промазал? Я не собирался стрелять второй раз, а теперь, наверно, поздно. Тем более промажу. Ладно, пусть бежит.

Так, что с этим? Блин... Пуля попала не в живот, а в середину груди. Ну я и стрелок... Он дёргается и изо рта идёт кровь. Не в сердце, но вряд ли долго проживёт. Обычно менты в самый неподходящий момент появляются, а тут стреляли. Но никого пока не видно. Не поискать ли ментов? Нет уж, пусть они меня ищут, это им надо. Иду пока обратно, к метро.

Вот и люди ходят, но никто никуда не бежит, я внимания

не привлекаю. Так и захожу в метро. Прислушиваюсь к своему состоянию после убийства. Меня потряхивает – это адреналин. Но вот жалости к этим одному или двум совсем не чувствую. И то, что я, возможно, спас их будущих жертв, тоже не очень греет, не моя задача. И не тошнило меня совсем, когда я на кровь смотрел. Как компьютерная игра, только больше эмоций. Страх, ярость, уверенность в победе. Ну, хорошая была тренировка.

Что меня найдут – я сильно сомневаюсь. Уркам, вроде, запахло с ментами сотрудничать, помощи у них искать. А я здесь типа гастролёра, меня мало кто знает. Скоро и вовсе уеду. Но надо почистить пистолет и добавить два патрона. Отправляюсь домой, в комнату Лены.

Я никогда не разбираю и не чистил пистолет, ну и не очень я склонен с железками возиться. Так что пока разобрался, три с половиной часа провозился. У меня две запасные обоймы были, теперь двух патронов не хватает. Ну и пусть. А в Сокольники я решил больше не ходить.

В конце сентября погода испортилась, пошли дожди. Я записался в библиотеку, читал там газеты, журналы о технике и оружии. А что делать целый день? Зато в театры мы теперь каждый вечер ходили. Вот так и прошёл мой отпуск, никаких знаков от судьбы я не получил... Зашёл ещё в общагу, там уже поменялись обитатели моей комнаты. Посоветовали мне не поездом обратно ехать, а отправиться на Тушинский аэродром и найти попутный самолёт. Ладно, попробую.

Попрощался с Леной, с её мамой, и на аэродром на извозчике. Денег у меня осталось рублей 40 всего. Впрочем, колечко золотое с камушком подарил Лене.

На аэродроме меня приняли как родного. Да, солидарность лётчиков в это время – что надо. Бесплатно кормили, выделили койку, а на следующий день место в ДБ-3 летевшем в Киев.

В Киеве прожил два дня тоже на всём готовом, наконец, меня взяли на самолёт до Одессы. Из Одессы в Бельцы по железной дороге добрался. Там снял комнату на ночь, попарился в бане и форму мне постирали и погладили. Как до аэродрома добраться? Здесь тоже есть извозчики, но на такие расстояния они редко ездят. Пошёл договариваться с неким Думитру. Тот сначала, вроде, не понимал. Предложил ему 10 руб. Он сразу понял и тут же предложил 20. И не сбавлял цену, пока я не собрался идти к Василю, его конкуренту. Тут он согласился на 15.

На следующее утро выехали. Здешняя бричка считается довольно комфортной, но сиденье жёсткое, и задница быстро устала. А Думитру хоть бы что. Я захотел пройтись, так он доплату потребовал! Типа, придётся меня ждать, время поездки удлиннится. Тогда я сказал, что буду бежать. И бежал перед бричкой. Я даже быстрее мог бежать. Земля здесь подходящая, в меру мягкая, бежать удобно даже в сапогах. Так я и ехал – то в бричке сидя, то бегом. Наконец, через 6 часов пути приехали. Я Расплатился с Думитру и отправил-

ся в штаб.

На этот раз на месте был сам командир, майор Петров. Да, всего лишь майор. Наш полк явно не на первых ролях. Вроде, были такие стихи: «Был у майора Деева товарищ, майор Петров». Жаль, что я их плохо помню. Однако товарищ командир меня принять не соизволил. Заставил ждать в коридоре. А тут и Назаров пришёл:

– О, товарищ Панкратов. Вернулся, значит. Заходи. Ну, как там Москва?

– Да стоит Москва. Даже неплохо там – театры работают, парки, метро есть.

– А у меня для тебя хорошие новости. Заказали тебе пулемёты, и нам уже их обещали. Так что через неделю-другую будешь с оружием.

– Товарищ капитан, по-прежнему считаю, что ШКАСы для чайки оружие вспомогательное. Основное оружие – это эРэСы. О них что слышно?

– Слышно... Подвёл ты меня, лейтенант. Эти снаряды-то, оказывается, шибко секретные. Ко мне сразу особист дивизии: откуда знаю? Ну, рассказал, что есть такой москвич, Панкратов, а в Москве многое известно. В общем, не с руки мне в это дело соваться. Эх, испортил хорошее настроение. Одно слово – москвич... А я-то хотел о девушках с тобой поговорить, о театрах, в чём там ходят жене интересно...

– Кстати о девушках: я там познакомился, хотел жениться, но мне сказали, надо на это разрешение.

Капитан как кот доволен, шурится. Видимо, его настроение исправилось.

– Да, был недавно такой приказ. Ну, это к командиру или в дивизию. Значит, таки познакомился? А тут – нет разрешения, и пришлось вернуться?

– Я бы итак вернулся. Война скоро, надо срочно готовиться, а потом воевать. ЭРэСы нужны обязательно.

– Опять за своё... Вот не любят вас, москвичей, и я начинаю понимать, почему. Этак, если ты не угомонишься, то как с тобой и разговаривать. И о войне комиссар не советует трепаться, а об этих твоих снарядах – особист. И командир не хочет связываться. Так что ты бы попритих малость. Эх... Давай лучше о хорошем: техника тебе выделили. Специалист хороший, но с характером. А фамилия почти как у тебя – Панарин. Два пана будете. А звать его – Иван Прокопьевич. Иди, знакомься, а завтра полёты.

Кажется, настроение начштаба опять исправилось – шутка про панов ему явно нравится.

– Может, прямо сегодня и полететь для начала?

– Не спеши, налетаешься. Зайди лучше в столовую, не обедал, поди?

В столовой, как ни странно, меня помнят. Хотя я здесь два раза поел шесть недель назад. Покормили без возражений. Деревня, блин, дыра. Впечатлений мало, я для них что-то новое. Быстро ем и иду к своей чайке. Там мужик в грязноватом комбинезоне стоит.

– Товарищ Панарин?

– Так точно, товарищ лейтенант.

Протягиваю руку. – Давай уж на ты стразу. Нам вместе много работать, потом воевать. Я тебя буду Иваном Прокофьевичем звать, а ты меня – как хочешь. Хоть Миша, хоть Михаил, хоть Михаил Семёнович.

Техник смотрит на меня несколько секунд, как бы оценивает. А потом делает знак рукой – отойдём, мол. Мы отходим метров на десять. Как бы теперь у нас разговор конфиденциальный. Хотя и у самолёта никого не было поблизости, и здесь чистое поле, так что чисто символический жест.

– Товарищ лётчик, а что у вас за самолёт?

– Экспериментальная чайка. Испытывали новое покрытие, в серию не пошло, дорого. А мотор – сам, наверно, посмотрел уже.

– Посмотрел. Аккумулятор, свечи, провода – всё не наше.

– С английского самолёта битого. Что-то и ещё могли по мелочи изменить, там мотористы мастера.

– Там много чего по мелочи, – техник смотрит на меня хмуро, даже исподлобья. Не верит. Впервые здесь моя версия не прокатывает. Ну не должен он точно знать, на что способны в Москве, да ещё и в головном КБ. А может, дело не в технике? Может, он чувствует, что я привираю? Такой вот чувствительный... Хотел было я уйти, но оборачиваюсь:

– Слушай, Иван Прокофьевич. Не знаю, в чём ты меня подозреваешь, и как тебе доказать, что я не шпион. Но де-

лать я буду то, что сейчас скажу. До войны восемь месяцев остаётся, а мне ещё надо самолёт получше освоить, а главное – стрелять научиться. А потом буду воевать, и, вероятно, погибну за Родину за Сталина. Но до этого я хочу сбить фашистских гадов сколько смогу. А идти в бой без надёжного техника... Ты подумай, не хочешь со мной работать – попрошу другого.

– Извини, Михаил. У меня ведь отца их благородия повесили. А ты... как будто из них.

– Никто у меня за белых не воевал, ни отец, ни деды, ни о ком не слышал. Да, есть у меня образование. Ну и что? Я лётчик, буду летать и воевать. Машина, сам видел, хорошо отремонтирована. Мне надо чтобы и в июне она была не убитой, мотор мощность выдавал. А полетать придётся, мне ещё стрелять учиться и воздушный бой вести.

– Я лучше многих за мотором буду ухаживать. Сделаю, что смогу. Но с запчастями и инструментами у нас бедновато.

– Иван Прокофьевич, а оружейник у нас будет?

– Нет. В полку оружейников на всех не хватает, поэтому они не закреплены индивидуально, как техники, а все вместе обслуживают все самолёты.

– То есть, спросить не с кого... Может, сами установим новые пулемёты, когда придут?

– Во всяком случае, я буду внимательно смотреть, чтобы не напортили.

– А об эРэСах ты слышал?

– Да, поговаривают техники и оружейники. Поступили они на склад в дивизию.

– И что говорят?

– Никто их не хочет. Они секретные, отчитываться заму-чишься. Ещё и запал электрический. А многие оружейники плохо понимают, что такое электричество, боятся его.

– А ты?

– А я понимаю. Могу установить, и недолго провожусь. А у тебя ещё и электрика... Выпрямитель, например – маленький такой, почти не весит. А я проверил тестером – он хорошо работает. Ну и аккумулятор, генератор – с электричеством проблем у тебя не будет.

– Завтра вылет, Иван Прокофьевич, возможно, не один, готовься.

– Какие будут указания?

– Пока не меняй настроек, триммеры, например. Слетаю как привык, а потом подумаем, что изменить. И ещё: у нас койки в казарме все продавленные. Нельзя ли найти доски, настелить их поверх сетки?

– Мы, техники и оружейники, на нарах спим. А вам, лётчикам, привилегия – кровати с сетками.

– В задницу такую привилегию, вся спина искривится.

– Есть у нас готовые щиты для нар. Я могу принести, поставить.

– Донести помочь?

– Не надо, люди есть, справимся.

Как ни странно, я нормально выспался. После всех поездов кровать и тумбочка, которые я могу назвать своими... Я здесь одну ночь был шесть недель назад, но как домой вернулся. Умывальник на улице – здесь, в Молдавии, не так холодно даже в октябре. Даже полезно облиться прохладной водой. И завтрак неплох...

После завтрака я впервые увидел командира полка, майора Петрова. Он подошёл ко мне как ни в чём ни бывало, и после обмена приветствиями сразу перешёл к делу:

– Ну что, Панкратов, пришло время летать. Для начала коробочку и посадка?

– Товарищ майор, я ведь не новичок. Вот чайку сюда перегнал, мне надо пилотаж вспоминать, а потом и совершенствовать.

– Ладно, но по началу слишком не рискуй.

– Конечно. Я ведь шесть недель не летал (и вообще на чайке летал два раза).

А ведь я привыкаю к чайке. Пожалуй, полёт на сессне мне бы сейчас пресным показался. Она где-то между чайкой и у-2, мощность меньше, устойчивость и безопасность (и удобство) гораздо больше. А здесь – как в песне про погоню: «Да здравствует ветер, который в лицо». Давненько не летал, кайф ловлю в воздухе. Но сначала я и вправду пару простых поворотов выполнил, надо вспомнить. Потом виражи покруче, правый и левый. Дальше – бочки, правая и левая. А ведь

надо тренировать кадушку, а я не умею... А может, чайка и кобру Пугачёва сможет? Хотя – для войны не лучший приём. Ладно, теперь мёртвую петлю. Чайка, хоть и гораздо мощнее яка, но разгоняется не очень, не та аэродинамика. И вверх идёт не так охотно. Я петлю начал делать с запасом по скорости, но весь этот запас ушёл, получилось на грани. Да, этот элемент для чайки не прост. Не сделать ли ещё иммельман? Не, достаточно для начала, потом сделаю. У нас в аэроклубе это был как бы порог: делаешь иммельман – хороший пилотажник. Третья всего лишь посадка на чайке, но я уже понял, как её выполнять, и всё получается без проблем.

Майор за мной смотрел, оказывается. И сразу зовёт в штаб.

– Ну что, лейтенант, вижу, ты что-то умеешь. У нас в полку две эскадрильи пока, но командиры звеньев там уже есть. А тебе в твоём звании пора звеном командовать. Есть у нас два лётчика, как смотришь получить их под начало? Твоё звено будет отдельным, зародыш третьей эскадрильи. Подчиняться пока будешь мне и капитану Назарову. Согласен?

– Есть, товарищ майор. Но считаю, что надо переходить на полёты парами. А звено тогда будет две пары.

– Да, верно Назаров говорил... Ты, лейтенант, пока летай, лётчиков вот молодых воспитывай. А изменять устав... это не твой уровень, не находишь?

– Так точно, товарищ майор. Учиться летать парами мы можем только неофициально, зато в предстоящей войне это

очень выручит.

— А отдуваться, значит, мне. Я такого приказа не отдам. Мог бы не замечать, как ты летаешь, но нет сейчас для тебя четвёртого самолёта.

И я пошёл знакомиться с лётчиками, теперь моими. Один оказался голубоглазым блондином, какого-то задумчивого вида. Сергей Сафонов. Я спросил, нет ли у него родственников в Туле. Но нет, он из-под Горького. Не родственник того Сафонова. Другой подвижный брюнет, татарин Мейсун Сафин. Такое вот совпадение, оба на саф, и обоим по 20 лет. А я здесь родился за два года до революции, и там в 1989, тоже совпадение. Немного поговорил с ними о полётах парами, а после обеда ещё раз вылетел в зону. На этот раз я целых два иммельмана сделал, с левой и правой полубочками. Ещё горку, что на чайке не так уж просто, пикирование. Штопор и кадушку на будущее оставил.

За ужином заметил, что меня здесь зауважали. Оказывается, мёртвую петлю и иммельман в полку единицы делают. Видя, что народ внимательно слушает, я им коротко объяснил преимущества полётов парами и как две пары выстраиваются как пальцы. Нарисовал на планшете схему левого и правого поворота звена. Думаю, все всё поняли, это несложно. По ходу рассказа Назаров появился. Сделал недовольное лицо, но промолчал. Я тогда добавил, что мы должны соблюдать устав и парами летать лишь неофициально.

На следующий день начал с ведомыми летать. И не сразу с

двумя, а по одному. Их задача – держаться за хвост. Сначала плавно летал, потом порезче. Сергей прирождённый ведомый, для его посредственного уровня пилотажа он держится просто отлично. Часто угадывает мои намерения и выполняет фигуры одновременно. Мейсун... Летает примерно так же, но порывистый. Часто торопится и теряет хвост даже в простой ситуации.

Вечером обсуждали, как будем летать. В основном, конечно, я говорил. Я командир, и лейтенант, и старше на пять лет, и летаю гораздо лучше. Классическое звено нам не пойдёт, четвёрки у нас нет. Сделаем так: я, по любому, ведущий. Сергей мой ведомый, защищает хвост. А вот Мейсун Будет летать сзади и чуть выше – его задача защищать нас обоих от атак сзади. При этом у него есть определённая свобода, в основном летит левее, но может и правее оказаться.

В полку есть определённый план боевой подготовки. Сейчас, например, групповая слётанность главная тема. А через две недели стрельбы начнутся. У нас такой график установился: два вылета в день, первый – индивидуальный пилотаж, второй – групповой. Я в основном резкие боевые развороты тренирую в обе стороны, кадушку, освоил задираание и опускание носа как бы для стрельбы. Как ослабленная кобра Пугачёва. Сафы, в общем, то же самое тренируют. Я их убедил, что мёртвая петля в бою редко нужна, а вот виражи, особенно правый, это основной наш приём. Мы уже и тройкой неплохо виражим, секунд за 12. Один я – за 8-9. А у мес-

сера время выража 22-24 секунды.

Вдруг майор Петров ко мне подходит, и вызывает на бой. Есть тут такое упражнение, якобы воздушный бой. Самолёты летят навстречу, потом уходят вверх свечой, а когда сваливаются, надо зайти сопернику в хвост. И так три раза. Петров считается лучшим по этим боям, кроме того, он воевал в финскую, никого, правда, не сбил. Ну ладно, он привык, что его чайка лучшая в полку – посмотрим, лучше ли она моей.

Ладно, летим лоб в лоб. И тут я понял, что чувствовали немцы. Будут, то есть, чувствовать. Летит навстречу сумасшедший Иван, что от него ожидать – неясно. Вот-вот столкнёмся. Слишком рано уходить вверх – трусость, и бой проиграю. В общем, от страха я чуть не... Чуть не забыл обо всём. Рву штурвал на себя – ухожу вверх слишком резко, с потерей скорости. Ничего не вижу, и только жду – будет ли смертельный удар. Так, сейчас в штопор свалюсь – надо выравнивать. А Петров уже висит на хвосте, я проиграл...

Расслабляться нельзя – ещё два «боя». Другие-то справляются как-то. Да ведь по сути – это показуха. Бывает такое в карате – имитация красивого боя для публики. Так и здесь – мы с Петровым, по сути, партнёры, как в цирке. И он не подведёт, он опытный, и ни разу не столкнулся. Хорошо, поверю ему и я. Мы одновременно плавно задираем носы и уходим вверх. Так, попробую повыше забраться. Всё, это максимум. Самолёт теряет скорость, и я с трудом его удерживаю на грани штопора. А вот Петров уже выразит мне в хвост.

Когда успел? Немного разгоняюсь (а он тем временем уже на хвосте, раньше скорость набрал) и выполняю кадушку. Он проскакивает, теперь я за ним лечу. Но всё равно – бой уже проигран, он первым в хвост зашёл.

Третий раунд. Я уже понял, что надо чуть раньше выходить из свечи, пока ещё есть остатки скорости и самолёт управляется. Мы уже уверенно делаем свечи, я краем глаза вижу самолёт Петрова. Он чуть ниже летит. Одновременно выравниваем, но я повыше оказываюсь и скорость чуть больше. Немедленно начинаем друг другу в хвост заходить, как гонка преследования в велоспорте. Но у меня и скорость больше, и высота. И, кажется, чуть мощнее мотор. Я слегка теряю высоту и оказываюсь у него в хвосте. Он покачал крыльями – признаёт поражение. Похоже, моя единственная победа – заслуга механиков аэроклуба, самолёт меня вытащил.

На земле он сразу зовёт меня в штаб:

– Ну что, Панкратов, молодец. До этого вёл бои?

– Нет, товарищ майор, я считаю, что на войне бои будут по-другому проходить.

– И как же?

Рассказываю ему о тактике немцев, немного о том, как нам надо действовать.

– Ладно, лейтенант, поздравляю, у меня редко кто выигрывает.

– Я же проиграл. Первые два боя.

– Быстро учишься. Первый – совсем плохо, а третий уже

как серьёзный боец. Думаю, дело тут в том, что база у тебя есть, пилотировать умеешь. В общем, у меня к тебе разговор. Я тут твои документы изучал... Да не бойся ты. Выходит, у тебя выслуга подходит уже – можешь старлеем стать, уже весной. Но ты для этого должен быть на старлейской должности. У нас пока третьей эскадрильи нет, кроме твоего звена. Так я предлагаю тебе должность комэска-3. Будут у тебя те же два лётчика в подчинении. Пока. А потом посмотрим. Может, пришлют лётчиков и самолёты. А может, комэска на твоё место пришлют, тогда тебе снова на звено. В общем, как повезёт, но шансы есть. Не думаю, что нас пополнят до лета, до выпуска лётных школ.

– Есть, товарищ майор. Но для меня должности и звания – это не главное. Вот как бы получить эРэСы и начать с ними работать.

– Вот понятно мне теперь почему хорошего лётчика к нам загнули. Да ты же для любого начальства – наказание. С тобой же покоя нет. Ты из пулемётов хорошо стреляешь?

– Плохо, товарищ майор. Так получилось, что вовсе не стрелял.

– Ну да, не в боевом полку служил. Вот и учись. А придёт приказ – станем тогда и эРэСы эти осваивать. Привыкай – ты теперь в армии, а не в Москве.

Мне остаётся только откозырять и выйти. А зайду-ка заодно и к Назарову.

– Товарищ капитан, разрешите?

– Садись, лейтенант, докладывай.

– Скоро стрельбы начинаются. А в 55-м полку у старшего лейтенанта Покрышкина есть соображения по упреждениям, и вообще по стрельбе. Если бы и нам эти материалы получить, станем тогда хорошо стрелять всем полком. Разрешите, я слетаю к ним, на аэродроме у них бывал, с майором Матвеевым знаком. Получу, что смогу у Покрышкина.

– Ну, лететь-то тебе туда вряд ли надо. А вот информацию твою учту. Поговорю с Матвеевым, у нас с ним хорошие отношения. Может, и лететь никуда не придётся, встретимся в Бельцах с кем-то из ихних...

– А насчёт эРэСов не поговорите?

– Ты прям помешался на этих эРэСах. Что, без них никак?

– Да как вам сказать, товарищ капитан... Вот представьте себе танк. А снарядов для пушки нет. И говорят танкистам: пулемёты у вас есть? Ну и хватит с вас. А снаряды на складе пусть лежат, лень с ними возиться.

– Что, так высоко ценишь эти эРэСы?

– Думаю, без них наш полк стоит примерно четвёрки мессеров. А с ними – целого десятка.

– Невысоко ты нас оцениваешь.

– Наоборот – мы герои. Летаем плохо, самолёты медленные, вооружаться лень. Но все готовы умереть за Родину, да и умрём очень быстро.

– Комиссара на тебя нет. Вот пришлют в полк комиссара, он тебе задаст...

– Он бы лучше оружейникам задал, чтобы эРэСы ставили.

– Всё, иди, Панкратов. Мёртвого ты из себя выведешь. Пулемёты твои завтра привезти должны, об этом лучше думай.

Перед практическими стрельбами были теоретические занятия. Я всё внимательно прослушал, кое-что записал и обсудил с Сафами. Когда мне поменяли пулемёты 80-летней давности на новые, у нас с Сафами добавилось новое упражнение: пикирование на цель. И индивидуально пикировали и звеном. Зато когда стали стрелять по наземной мишени, наше звено было лучшим. Я попал 12 раз из 30 патронов, Мейсун 5 а Сергей 3. Из всех ведомых кроме Сафов только один попал в мишень. А всего мы только два раза стреляли, и всего по 30 патронов.

Вообще это странно – так экономить патроны. Ну дайте нам пострелять, окупятся же эти тренировки на войне. Я за ужином целую речь толкнул, что во время войны нам придётся штурмовать наземные войска. Во-первых, больше некому будет, СБ это мишени. Во-вторых, у нас скорость маленькая, мы успеваем прицелиться и выйти из пике. В-третьих, это, конечно, эРэСы.

Я понимаю, что наезжать на Петрова и Назарова бесполезно. Им эти нормы из дивизии спущены. Кто-то наверху решил экономить патроны, наверняка возражений десятки, но всё без толку. И что может сделать майор, который не то, что от Москвы, от Бельцев далековато служит.

Тут поступила малява от Покрышкина, действительно,

как и обещал Назаров, по заданию Матвеева он написал, и через Бельцы передали. Из его воспоминаний я ожидал, что это чуть ли не научный труд, позволивший ему попадать по конусу стабильно больше 50%, и усвоенный всем полком. А он одну страничку исчеркал малопонятными каракулями. Но я разобрался, каждую его каракулю понял. Он, оказывается, ограничился расчётом упреждения при различных ракурсах и дистанциях. Ну, это я и сам мог бы посчитать – задачка для семиклассника. Он бы лучше рассказал, как дистанцию определять и скорость цели.

Впрочем, со скоростью кое-что понятно. Скорость буксировщика конуса предписана нашим штабом, это 260км/ч, около 70м/с. А мессер делает, допустим, 120м/с, сейчас же ранние модификации у них. С дистанцией тоже есть идея. По моему заказу Иван Прокопьевич сделал что-то типа большого циркуля с раствором два метра, как у землемеров, и я намерил от чайки по 500 метров в бок и вперёд. И сделал незаметные метки на разных дистанциях, веточки, камушки. И принялся тренировать Сафов. Привожу их, скажем, на точку 330м от чайки, и прошу дистанцию определить. Вскоре они (а заодно и я) привыкли, и стали довольно точно называть. Тогда я указал на чайку из первой эскадрильи. Каждый из нас записал дистанцию, а затем замерили моим шагомером. Ну что, я ошибся на 25 метром, Мейсун на 45, а вот Сергей всего на 5! И это на дистанции 315 метров. Кажется, научились чему-то, надо будет и дальше тренироваться. Разъяснил

также им расчёты Покрышкина.

Нашими измерениями заинтересовались, начали и другие эскадрильи дистанцию мерить.

Вот, наконец, и стрельбы по конусу. Я торопиться не собираюсь, подхожу к конусу на сто метров с маленькой скоростью сближения, даже и немного снизу, чтобы скорость снизить. Стреляю короткую очередь, и на второй заход. Подошёл ещё ближе (а столкнуться я не боюсь, не настолько плохо летаю), и снова очередь. Даже при таком встречном ветре от пулемётов здорово воняет сгоревшим порохом. Патроны кончились, но я делаю и третий заход, для тренировки.

Оказалось, что я попал 21 раз из 60. Это второй результат в полку после майора Петрова. А знаете, у кого третий? У Мейсуна! 12 попаданий. И ещё 2 добавил Сергей. Так что наше звено опять лучшее. Нашлись и завистники: мол, нечестно мы стреляем, близко подходим. А надо по уставу с 200 метров палить. Объяснил всем желающим свойства ШКАСов, рекомендовал сближаться, пока заклёпки не увидят. Наш козырь – ближний бой, пока нет эРэСов.

Но как же Покрышкин говорил, что всегда больше 30 попадал? Никак я не мог это понять. Привирал? Но потом родилась идея – предлагаю Ивану Прокопьевичу нацелить пулемёты так, чтобы трассы в ста метрах перед носом в точку сходились, а не параллельно шли. Повозились с ним больше двух часов, зато на вторых стрельбах я попал 38. А у Петрова было 27, а второй раз он не стрелял. Ещё 8 и 6 добавили

Сафы, наше звено лучшее с большим отрывом. 52 на троих, второй результат – 14 на троих.

Это было 30 октября, а ночью пошёл дождь, и шёл шесть дней с маленькими перерывами. Поле размокло, так что летать мы не могли и после этого, хотя дождь шёл уже не весь день, а по паре часов днём и ночью.

Представляете, каково это – целыми днями в казарме? Я научил Сафов в преферанс играть, но и это надоело, тем более, что они как-то не очень прониклись и проигрывали безбожно. От скуки предложил нашему полковому художнику – технику из первой эскадрильи, издать покрасивее маляву Покрышкина, да с разъяснениями. Убив несколько часов, мы разрисовали ватман самолётами в разных ракурсах, формулами и пояснениями. Новостей в нашей дыре мало, и женщин мало, и они пожилые, так что лётчики разглядывали наш труд подолгу. Стали и с вопросами обращаться, я всё разъяснял. Оказалось, что никто рассчитывать упреждение даже и не думал. Вот так лётчики истребители! Как воевать собираются? Через пару дней майор Петров сказал мне, что опытный лётчик делает упреждение на глазок. Но наши игры с определением дистанции он одобрил. Кстати, я настоял, и техник рисовал в прицеле тощие силуэты мессеров.

В СССР армия, а тем более авиация, предмет постоянной заботы. Вот и нас начальство осчастливило – нам прислали комиссара. Захаров Павел Андреевич, лысоватый невзрачный мужичонка лет сорока на вид. Вроде, простоват, типа от

сохи. Но, может, и придуривается, посмотрим. Первым делом он озаботился стенгазетой к 7 ноября. Газеты нам зачитывал, речь сказал. Я молчу да иногда киваю – мне конфликт с комиссаром не нужен. Тем более, во многом я с ним согласен, ещё бы он поменьше банальностей нёс.

А наш ватман с расчётами упреждения он одобрил, определив его как комсомольскую работу. Другой комсомольской работы в полку не нашлось, и он даже предложил мне стать комсоргом. Я отговорился тем, что боевой подготовкой увлекаюсь, а в политической слабоват, знаю только то, что всем известно. Так этот добрый комиссар стал меня утешать! Мол, и боевая подготовка тоже нужна. Мне удалось сохранить серьёзную рожу.

Комиссар оказался не ленивым, и через пару дней я получил вызов в ленинскую комнату для индивидуальной беседы.

– Скажите, товарищ Панкратов. Вот вы о войне часто говорите, а ведь у нас с немцами пакт. Не провокация ли эти ваши разговорчики? И кто вас на это подбивает?

– Я, товарищ Захаров, военный лётчик. Войны сейчас нет. А чем должен заниматься военный лётчик в мирное время?

– Боевой и политической подготовкой.

– А боевая подготовка это и есть подготовка к войне с вероятным противником. Я серьёзно отношусь к своему долгу и усиленно готовлюсь. А как комсомолец и боевой товарищ я хочу, чтобы и мои товарищи лётчики и весь состав полка тоже вели подготовку, и готов помогать чем смогу. Также счи-

таю своим долгом воспитание моих товарищей ведомых – лётчиков Сафонова и Сафина. Должен вам сказать, что считаю проведённые в полку учения по боевой стрельбе хоть и успешными, но недостаточными из-за нехватки патронов. Кроме того, считаю важнейшим вопросом освоение эРэСов, реактивных снарядов, основного оружия наших истребителей.

– Да, слышал уже об этих ваших настойчивых просьбах... Но вот насчёт войны – что вы боевую подготовку совершенствуете – это хорошо. А вот разговоры о войне – это плохо, этого не надо.

– Согласен, надо с этим поосторожнее. Но совсем не думать о войне – мы же военные. Не всё же нам о бабах думать. Может быть, не говорить о войне, а говорить о суровом испытании? Сокращённо, проблема СИ.

– Что это вы выдумываете, какая проблема?

– Революция учит сокращать. ВКП(б), ЦК, коминтерн, совнарком. А если говорить «проблема СИ», то и разговоров о войне не будет, а вот боевая подготовка – будет. А без неё мы зря свой хлеб едим и получаем солидную зарплату.

– Ладно... Я ещё подумаю... Но мне кажется, с проблемой СИ вы перегибаете.

– А вы с особистом посоветуйтесь. Нам всякие такие выражения нужны, чтобы шпионы не поняли, которые подслушивают. Например, дать каждому лётчику кличку, позывной называется. Если будут раненые, говорить, например, три-

ста, а если убитые – двести.

– Ну, это уж вы совсем... Триста, двести, клички уголовные...

– Нет у нас пока раций, но ведь будут? А враги будут подслушивать. Могут узнать секретную информацию.

– Ладно, это, действительно, к особисту. Вы мне другое скажите: вот, говорят, вы наши самолёты ругаете, и наше оружие, а немецкие восхваляете.

– Я ругаю? Да чайка – это самый маневренный из истребителей. Сами посудите: мессер вираж выполняет за 22-24 секунды, а чайка за 8-10. Это не просто преимущество – это подавляющее преимущество. А оружие – да наши эРэСы – это оружие будущего. Нет у немцев ничего подобного, вообще. А у нас есть, но по нерадивости оружейников, лени, наше лучшее оружие лежит на складе в дивизии. Партия и правительство создали хорошее оружие, прислали сюда, в Бессарабию, а мы его осваивать не хотим. Куда смотрят коммунисты? Да, есть и у немцев свои преимущества – скорость, вертикальный маневр, пушки скорострельные на самолётах. Так это и есть часть боевой подготовки – уметь использовать преимущества наших самолётов, а врагу не дать его преимущества использовать. Я об этом всё время говорю, да не все понимают... А уж чтобы поработать без приказа начальства – с этим совсем туго.

– Да, товарищ Панкратов... Я слышал, вы инициативный человек. И по результатам стрельб отличились. Может быть,

вам подумать о партии? Раз вы такой сознательный? Сколько вам ещё комсомольцем быть – возраст-то уже подходит?

– Ну, мне до 28 ещё больше двух лет. А из-за проблемы СИ их ещё прожить надо, а это вряд ли. Уж очень это испытание будет суровым. А партия... Я лётчик. Мне бы летать да стрелять, да дайте мне оружие хорошее. А агитировать – так я напутаю что-нибудь, только хуже сделаю. Нет, моё дело – боевая подготовка.

Комиссар наморщил лоб, как бы что-то вспоминая. Кажется, беседа со мной ему нелегко даётся, вон и капли пота на лысине выступили.

– Да, товарищ Панкратов. Вот вы говорите, есть у нас преимущества, и надо их использовать. Это очень правильно. А вы сделайте стенгазету, вот, как ту, о стрельбе, где и объясните наглядно наши преимущества. Это и боевой подготовке послужит, а? Товарища Елизарова (это тот самый техник художник) я попрошу вам помочь. В общем, вы подумайте, мне кажется, у вас может получиться, а это важная комсомольская работа, наглядная агитация.

Наш комиссар простоват, но деятельный. Немедленно отправился к особисту, в долгий ящик не откладывает. Вскоре из-за двери послышались крики, разговор на повышенных идёт. И вот выскакивает комиссар от особиста, весь растрёпанный и красный, и вдруг мне прямо в лицо выкрикивает:

– Не будет у нас кличек! Я не допущу. Мы армия, а не банда!

А выражение «проблема СИ» прижилось. Нет-нет да кто-нибудь так скажет. А ведь я просто пошутил.

А что, может, комиссар и прав. Делать сейчас нечего, самое время рисовать. И народу развлечение. Идеи у меня быстро возникли, и мы с Женей Елизаровым начали творить. Женя не просто хорошо рисует – он два года проучился в Киеве на художника, но ушёл в техники. Манера его – как будто комиксы. На ватмане три картинки разместились, но выразительные. На первой пилот чайки (размером чуть ли не больше этой чайки) с физиономией деревенского дурачка пересчитывает пролетающих рядом трёх ворон. Правой рукой указывает на них пальцем, на левой пальцы зажимает (каждая рука размером с мотор). А из-за тучки на него пикирует сзади пара мессеров. Это я настоял, что именно пара – пусть привыкают, что немцы летают парами. Подпись: «ворон три штуки, так и доложу в штабе».

На второй картинке лётчик с льняными кудрями смотрит-ся в зеркальце, а мессеры пикируют со стороны солнца. Подпись: «мне на солнце смотреть неудобно, пусть оно посмотрит на меня, красавца лётчика».

На третьей у лётчика на шее огромный красный чирей. От него даже лучики идут. Мессеры на этот раз заходят сзади, из ведущего торчит огромная злодейская рожа, изо рта злодея фашиста текут слюнки. Подпись: «не могу оглянуться, у меня чирей».

Газета имела большой успех – не только лётчики, но и тех-

ники и оружейники толпились, смотрели, смеялись. А вот у комиссара чувства смешанные:

– Вы с товарищем Елизаровым хорошо нарисовали, но ведь это не то. Где здесь наши преимущества? У вас сатира получилась. Это тоже нужно, но сейчас, в такую погоду, людей надо вдохновить. А то от дождей раскисли, вон, драки уже начались. (Тут мой Мейсун отличился. При росте 170 и весе 72 татарин плечист и силён. На турнике крутит солнышко без проблем, а выход силой точно больше 10 раз делает. Характер у него горячий, за справедливость он горой, дать в морду для него естественный поступок. А матом ругаться позамысловатее – кажется, он это считает долгом каждого татарина. Я ему подсказал пару выражений, так он с восхищением смотрел).

– Товарищ Захаров – так ведь это только начало. Нам ватмана не хватило. Вот будет ватман, и нам бы ещё красок, хотя бы акварельных, и нарисуем и приёмы боя. Просто обидно, что немцы нас будут сбивать без боя. Надо внушить лётчикам – всё время верти головой, смотри. Шарфы бы нам шёлковые не помешали, а то натрём шеи, вскочат чирьи...

– Слышал я в гражданскую, что есть у белых авиаторов шёлковые шарфы... Пока не знаю, где достать. А ватман для наглядной агитации – это обязательно нужно. Вот дорогу в Бельцы развезло... Буду говорить с командиром.

И, видно, достал Захаров командира – на следующий день они вдвоём вылетели в Бельцы на у-2. Захаров, естественно,

пассажиром. Привезли и ватмана несколько листов, и краски, и цветные карандаши, и свежие газеты. Ну, придётся нам с Женей поработать.

В общем, первый же наш рисунок комиссара порадовал: чайка лезет вверх, навстречу всё той же паре мессеров. Подпись: «разворачивайся на врага и иди в лобовую атаку. Немец не примет атаки, отвернёт». Правда, когда лётчики потребовали объяснений, почему это немец отвернёт, я комиссара не порадовал:

– Славяне и азиаты для немцев унтерменши, низшие люди. Немногим умнее собак или обезьян. Они считают, что их лётчик стоит сотни наших. Риск столкнуться и разменяться один на один – это для них нерасчётливо. Кроме того, мы за нашим широким мотором как за щитом. А у них мотор рядный, грудь открыта. Ну и охлаждение у них водяное, одна пуля в мотор, вода вытечет, мотор заклинит через несколько минут. Садись на вынужденную тогда или прыгай. Нет, они будут стараться нас просто убивать, как собак. Вот, как здесь, – и я показал на прошлые три картинки.

Теперь никто не смеялся, все притихли. Во второй эскадрилье у нас есть украинцы. С нами мало общаются, глаза отводят. Вот один из них не выдержал:

- Немцы не могут так думать, они культурные люди.
- Они так думают.
- Откуда знаешь?
- Читал «Майн кампф» Гитлера. В Москве ещё (не будем

говорить, в каком году).

Пятеро украинцев дружно уходят. Спорить при комиссаре не хотят, но я их не убедил. А наша с Женей работа только начинается. На большом листе ватмана рисуем (ну, рисует-то он, а я придумываю) целый комикс. «Вот немец заходит в хвост» – и рисунок – тот же злодей, торчащий из мессера, за ним ведомый, в хвосте у чайки. На втором рисунке чайка пошла вверх, немец задрал нос и трассы его пушек идут к чайке. Слюни брызжут у немца изо рта. Подпись: «Потянешь вверх – немец расстреляет. Вниз тоже не уйти, пикирует он лучше». На третьем рисунке чайка делает правый вираж, немец с растерянным лицом не может за ней угнаться, и проскакивает. Подпись: «вираж у чайки намного быстрее, уйди на вираж, и немец не сможет прицелиться. Особенно он не ждёт правого виража». Четвёртый рисунок с подписью: «Делай кадушку, немец проскочит вперёд». На пятом немец удирает, низко пригнувшись к фюзеляжу, и в страхе оглядывается. Подпись: «И сам окажешься у него в хвосте». Следующая надпись: «он попытается удрать, но эРэСы его догонят, ими можно стрелять на 400 метров». На рисунке рядом с удирающими мессерами взорвались два снаряда, осколки летят во все стороны.

Над этим комиксом мы работали весь вечер и большую часть ночи. А днём отсыпались. Разглядывание и обсуждение без нас прошло. А через два дня кусок ватмана с последним рисунком отрезали. Мол, секретная информация там об

ЭРэСах. Но все уже, конечно, видели.

Эти рисунки провисели у нас несколько месяцев, только в конце апреля их сняли, заменив первомайской газетой.

Я бы ещё схемы маневрирования четвёркой нарисовал, но этого мне не разрешили, не по уставу. И снова потянулись скучные дни без полётов, долгие ноябрьские вечера, часто дождливые. Я уже рассказал чуть ли не всё, что знал о тактике немцев и как нам надо летать. Например, о налётах на аэродромы в начале войны, о рассредоточении, о маскировке. Моё звено было неплохо замаскировано на окраине рощицы, а вот девять самолётов первой эскадрильи и восемь второй стояли в поле двумя шеренгами. Ещё и гордились их командиры, как ровно стоят чайки. Вот такой подарок немцам. Я сгоряча предложил заняться капонирами, и построить их за зиму. Рассказал, что это такое, нарисовал. Но тут уж техники и оружейники обещали меня избить за такую инициативу. Работать никто не хочет... Меня, правда, не так просто избить – и сам не добыча, и Сафы за меня заступаются, мускулистый самбист Сергей и задиристый бесстрашный Мейсун не те люди, с которыми хочется подраться.

С одним только моим предложением согласились: вырыть погреб для горючего и масла. Да и то – для каждой эскадрильи отдельный, явно рассчитывая, что нам троим работать придётся больше. Но я уже так озверел от безделья, что охотно надел старую спецовку и разбитые сапоги и пошёл копать. Вскоре Сафы ко мне присоединились. Техники думали, что

работать им придётся, но на их долю достались только крыша из досок да отделка стен опять же досками.

От безделья я стал увлекаться спортом: бег с голым торсом, обливание водой, турник, гири. Потом стал показывать Сафам приёмы каратэ и тренироваться с ними. Сергей, в свою очередь, поучил нас самбо, которое оказалось гораздо ближе к боевому, чем в наше время. А вот Мейсун почему-то считал, что наши упражнения – это одно, а драка – другое. В драке он ценил смелость, волю, скорость и силу. А приёмы, как он считал, не спасут, если не успеть их применить.

Одна из моих проблем – воздерживаться от вышучивания комиссара. Он всё время подставляется, и если бы я вслух произносил то, что мне в голову приходит, весь полк бы ржал, как табун. Но проблемы с комиссаром мне не нужны. Он, хоть и не полностью, в основном за меня, в отличие от особиста. Я ещё в октябре почувствовал холодок особиста. Думал, заметил тот что-то. Но народ в этом времени проще, и особист прямо заявил при всех в столовой, что не любит «умников из Москвы, которые суются не в своё дело». Это он, конечно, о моих требованиях вооружиться эРэСами.

Я боялся, местные заметят, что я не такой, и начнут копать. Откуда взялся, с кем знаком на прежней службе. Они, конечно, замечают, но видимо, они такими и представляют москвичей. Я по их понятиям типа Лермонтова: метил высоко, а сослали в задницу. Но привычка вести себя как кто-то гораздо выше обычного лейтенанта, осталась. Так что осо-

бист даже злорадствует – что, мол, не сладко – из Москвы да в нашу казарму.

Год подходит к концу, полётов нет и не предвидятся. И тут нас всех выстраивают, и зачитывают приказ наркома Тимошенко. Мы теперь почти все на казарменном положении, а лётчиков из училищ будут выпускать сержантами. В общем, как раз нам почти пофиг – мы итак в казарме сидим, до города добраться по раскисшей дороге почти нереально, в местных хуторах к нам отношение весьма прохладное. Звания учлётов – тоже не наша проблема. Но я это предсказывал ещё в октябре, и народ впечатлён моей проницательностью. Особист наверняка сделает вывод, что я в Москве был вхож куда-то очень высоко. А пока кто-то спрашивает, не было ли в моём роду цыган. Типа, нагадал. Я с ходу выдаю песню «Ежедневно меняется мода, но покуда стоит белый свет у цыганки со старой колодой хоть один, да найдётся клиент». Последствия для меня неожиданные – у меня появилось прозвище – «цыганка». Я, конечно, брюнет, но на цыгана не похож. Тем более на цыганку. Мамонт было поприятнее прозвище...

Я не слишком баловал публику песнями из будущего. Только Высоцкого про Робин Гуда спел. Песня Мейсуну очень понравилась, он слова спрашивал, пока не запомнил. Теперь он снова быстро выучил все слова, а на следующий день подошёл ко мне, и, стесняясь как девушка, признался:

– Это очень правильно, «время рушит гранитные замки и

заносит песком города». Так в Коране написано.

Вот так правоверный! Матом так кроет, что на непривычного человека давит, как ветром. Неожиданные вещи иногда выясняются.

Новый год здесь не особо большой праздник, один только комиссар хочет найти большие достижения в этом году и всех вдохновить. Например, вот эта территория, Бессарабия, в этом году присоединена к СССР.

А вот через неделю наши украинцы отмечают. Да это же Рождество, а я и забыл! Да и в окружающих деревушках праздник. Комиссар мной опять доволен – рождество я не отмечал. А на меня, кажется, посматривали.

Январь и февраль в полку стали эпохой покера. Видя «успехи» Сафов в преферансе, я поначалу решил, что местные туповаты. Только в очко им и играть. Да они и играют, Мейсун, например, очень любит. Он садится по-турецки, и даже речь его меняется, он на блатную феню переходит. Похоже, детство у моего ведомого было непростое... Мне очко не интересно, ну я и подумал, что покер немного похож. Написал на листочке все фигуры, и начал учить Сафов и ещё одного лётчика из первой эскадрильи. Теорию не объяснял, а сразу как бы играть начали. И – о чудо! Буквально после двух сдач они врубались, и начали играть. Азарт нарастал с каждой сдачей, и я испугался за последствия. Объяснил им, что картёжная игра, да ещё и на серьёзные деньги, может привести к ссорам. А у нас пистолеты, а если кто-нибудь схватит-

ся за ствол? Мейсун тут же согласился, мол да, за вздержку ставят на перо.

Но остановить распространение игры было уже невозможно – через два дня играли уже одновременно в трёх местах. На тумбочках сотни рублей появлялись и переходили из кармана в карман. Особист, например, активно играл. Я сейчас зарплату перевёл на Лену, только за один месяц получил, чтобы деньги были на всякие мелочи. Ну, я выиграл триста с чем-то рублей, и перестал играть. Потом, уже в феврале, ещё поиграл на мелкие суммы. Но за это время все так играть научились, что я даже рублей сорок проиграл.

В общем, в основном это было потерянное время, за исключением зениток. Мне когда пулемёты заказывали, то заказали их 10 штук. Ещё 6 поменяли, кроме моих четырёх. Старые пулемёты все списали, но из них четыре ещё нормально стреляли. Просто с запасом заказали, как обычно. Я предложил сделать для них станки и использовать как зенитки для обороны аэродрома. Оружейники отказались, даже с каким-то презрением. Но за зиму я много чего рассказал о немцах, о том, как с ними воевать. Ну и, конечно, про их налёты на аэродромы. Неожиданно меня поддержал майор Петров – он что-то слышал о таких налётах в Польше и Франции. И оружейники получили приказ. Теперь у нас целая зенитная батарея, четыре пулемёта. Можно и против пехоты использовать, у нас граница рядом. Конечно, толку от зениток, эффективно стреляющих на 200 метров, немного,

но хоть что-то... А то немцы уж больно нагло в начале войны аэродромы атаковали...

А в конце февраля вдруг выглянуло солнце, и в марте начались полёты. Карты как-то ушли на второй план, появилось много забот, народ повеселел. Мы с Сафами снова летали, но я и о спорте старался не забывать, пригодится хорошая физическая форма летом. Когда мне их передали в октябре, младшие лейтенанты Сафонов и Сафин летали на уровне других младших лейтенантов, то есть, наравне с ещё десятком лётчиков, претендовали на последние места по пилотажу. Сейчас они летают, по моей оценке, на уровне двух наших старших лейтенантов, комэсков. А по пониманию маневрирования в составе звена – значительно превосходят. И мы ещё прибавим до 22 июня.

В полку жизнь помаленьку движется. За зиму у нас два лётчика ушли, перевелись. На замену им прислали целых трёх в комплекте с новыми чайками. Все три новичка – сержанты, прямо из школы к нам. Я рассчитывал, что одного мне дадут, и будет у нас полноценное звено из 4 человек. Мейсун станет ведущим второй пары, характер у него подходящий. Но – отдали их всех во вторую эскадрилью, а самолёты им заменили на старые. Мне и самолётов тоже не досталось. А ведь говорил я с Петровым, объяснял ему. Интриги, все себе хотят побольше людей.

Зато в апреле мне присвоили очередное звание – старший лейтенант. Теперь и зарплата прибавится, и место комэска

вряд ли у меня отнимут. Хотя – могут и отнять, даже и у старлея. Вместо того, чтобы радоваться, я заявил Петрову:

– Товарищ майор, для меня звания и должности – не главное. Нужны эРэСы, два месяца всего до проблемы СИ. Я готов отправиться в дивизию и там выяснять. Может быть, через парторганизацию действовать, как угодно, но эРэСы достать.

– Будет приказ, тогда отправишься. И туда, куда надо. Свободен.

Я и к комиссару навязался на длинный откровенный разговор. Мол, серьёзный подрыв происходит нашей боевой мощи. И коммунисты не должны допустить. Наш простодушный Павел Андреич мне и поведал: ставился такой вопрос на уровне комиссара дивизии. Но командир, Осипенко, решительно запретил это вредное новшество. Мол, отвлекает от боевой учёбы, а сейчас, в такое время, это недопустимо и т. д.

Авторитет Осипенко высок, он в Испании воевал успешно, его жена и вовсе известна на весь мир. Комиссар считает, что я должен прислушаться и понять, что прав скорее герой Советского Союза Осипенко, чем недавно произведённый в старлеи лётчик, не имеющий никаких наград.

Блин, это непробиваемо... Все теперь знают, что Осипенко против, и никто меня не поддержит. Армия. Крепкая, дубовая структура. И дуб Осипенко на генеральской должности. Не зря Покрышкин на него бочку катил...

Вот так вот думаешь — да я бы, с моим ценнейшим познанием, да весь ход войны бы изменил, Берлин бы взяли в 43-м... А я вот не могу. К Сталину даже лезть не стал, и даже в неполном полку в Бессарабской заднице не могу ничего сделать. Ну, может, помог я двум младлеям, и всё. Вот стрельбы опять провели, и что? Результаты полка примерно как осенью. А плакат с расчётами упреждения всю зиму в казарме висел без толку? Ведь наизусть всё можно было выучить.

Зато моя репутация предсказателя укрепилась после нападения Гитлера на Югославию, а затем и Грецию. Этого связями в Москве не объяснишь. Вижу, Петров смотрит на меня задумчиво. Подхожу к нему, и говорю:

— Товарищ майор, помните о проблеме СИ. Недолго уже осталось.

— Слушай, Панкратов... Эти твои эРэСы... Нам их не дают. Придётся пока без них.

— Можно быстро на пары переучиться, два месяца у нас есть.

— Не дадут нам два месяца. Через неделю меня снимут.

Ну ладно, хотя бы откровенно. Майор даёт понять, что он за меня. Мы с ним неплохие лётчики, а это уже причина друга поддерживать. Я чайку освоил, элементы высшего пилотажа для меня не проблема. Ещё мы с Иваном Прокопьевичем триммеры отрегулировали, и самолёт теперь почти не ведёт в сторону при взлёте и посадке. Мотор тоже отрегули-

рован, работает хорошо.

Ещё у нас новость: дали нам взвод охраны. Нам вообще-то рота положена, но не было никого. Было всего два поста, оружейники на них стояли вместо того, чтобы своими прямыми обязанностями заниматься. Теперь эти солдатики роют землянки на краю лётного поля.

В общем, драгоценные последние недели, а я в тупике. Даже летать стал меньше. Чайку освоил, так зачем ресурс машины переводить? Зато без проблем могу пробежать 20 км, и это в сапогах.

Усиленно грузу особиста: агенты, Бранденбург, необходимость дублирования и охраны связи, особенно после 20 июня. А он итак на взводе: местные крестьяне поговаривают о скорой войне. А у них у многих родственники на той стороне, через границу лазят втайне, и река не останавливает.

Был ещё эпизод с цыганами, их здесь много, и оседлые, и кочующие. Мимо нас табор проходил. И вот три цыгана с наглым видом идут к столовой. Из мужиков там только мы с Мейсуном сидели. У цыган здесь репутация плохая: могут ударить ножом. Или кнутом, тоже плохо. Я уже думал, не применить ли оружие. А Мейсун просто встал им на встречу, и смотрит пристально. И цыгане вдруг сделали вид, что просто мимо проходили. Мне показалось, что Мейсун даже хотел подраться. А ведь ему 20 лет всего.

Вот так и прошло время, в томительном ожидании, от которого отвлекали пробежки, купание, турник да полёты раза

3-4 в неделю. В субботу мы с Сафами отсыпаемся до половины дня. Сколько не убеждал я Петрова поднять полк по тревоге в 2 часа, он не согласился. А мне разрешил делать что хочу, он как бы не заметит.

После обеда перетаскиваем зенитки. Народ здесь, когда дело касается лени, не просто упрямый, а упёртый. Сами же меня цыганкой называли, но подежурить у пулемёта после 3 часов утра не хочет никто. Ни одного добровольца. Все предпочитают спать. У нас, правда, есть подчинённые, наши техники. И вот мы, все вшестером, перетащили три зенитки поближе к нашей стоянке и замаскировали. Техники выпускают нас в полёт, и встанут к пулемётам. Я рекомендовал им делать упреждение на три корпуса и не палить издалека.

В два часа ночи поднимаю Сафов. Умываемся, идём на стоянку. Туда же техники подходят. И начинаем прогревать моторы. А мотор М-62 это что-то, ревёт он так, что скотина с соседних деревеньх начинает метаться. Понятно, что недовольный народ начал выползать из казармы и направляться к нам с недружественными намерениями. Моторы тем временем прогрелись, мы их выключили, и стал слышен посторонний гул. Все задрали головы. С запада наплывали бомбардировщики, много. Летели они на большой высоте, выше трёх тысяч. Не к нам.

Я-то не удивился, а народ замер, как в последней сцене «Ревизора». Все стояли там, где их застала эта новость. Вдруг слышу:

– Ну цыганка, накаркал.

Это, конечно же, особист. Отвечаю ему:

– Связь проверяй всё время, пошли патруль вдоль линии, и всех в ружьё. А нам в бой сейчас.

И тут слышу новый звук. Не успеваю подумать, как уже ору:

– По машинам! Запускай, взлетаем!

Мы взлетаем звеном, все сразу, с востока на запад. Набираем 50 метров, и я вижу идущие нам навстречу на небольшой высоте длинные силуэты мессершмиттов. Это не совсем лобовая атака – они всё же повыше нас идут, метрах на пятистах. Будут нас атаковать? Нет, немцы (а скорее всего, румыны, но нам без разницы) проходят выше нас к аэродрому. Чуть качаю левым крылом – это сигнал к левому виражу для ведомых – и тут же этот самый вираж делаю. Он чуть быстрее правого, это сейчас важнее неожиданности.

Медленно, с набором высоты идём обратно. А на аэродроме взрывы – фашисты на мессеры бомбы небольшие прицепили. Впрочем, 50кг, из которых около половины – это взрывчатка, взрываются весьма неслабо. Взрывы в основном у склада ГСМ и у мастерской. По полосе одна за другой идут на взлёт чайки, от рощи видны трассы наших зениток, благо, немцы бомбили с пологого пикирования и снизились. Классическая картина. Надо было с Женей нарисовать такую, и подписать "Утро 22 июня".

Недолго я любовался аэродромом, но, видимо, потерял

важную секунду. Немцы прошли над нами как бы не замечая, но они нас не только заметили, но и наметили план. Рации у них есть. И вот уже пара мессеров заруливает на нас слева, а четвёрка сверху собирается пикировать. Те, что сверху, опаснее. Разворачиваюсь к ним носом. Несколько подставляемся под тех, что слева, но стрелять сбоку не очень удобно, трудно попасть. А в хвост они ещё когда зайдут, тогда и уйдём виражом. Мейсун, видимо, решил защитить нас от тех, что слева, и разворачивается на них. Ну, может, и верно. А сколько же немцев всего? Я не успел сосчитать... Но, вроде, кроме МЕ-109 никого не видел.

Немцы, как на картинке, не пикируют на нас в лоб, а уходят в сторону. Б..! Да там же Мейсун! Они на него пикируют! Быстро туда. Мейсун, носом к ним! Поздно. Трассы сразу нескольких немецких пушек попадают в чайку, она загорается и падает. С такой высоты падает недолго...

Мы с Сергеем несёмся на немцев, но они уходят до того, как мы приближаемся на дистанцию огня. Они итак быстрее, да ещё и на пикировании разогнались. Где остальные? Где-то сзади. Теперь правый вираж – ага, они с нашими чайками сражаются. Вот одна чайка несётся к земле, успевает вспыхнуть и тут же врезается в землю. Да что они делают – я всю зиму талдычил воевать на виражах, а они на вертикали лезут.

Мы приближаемся к месту боя, кажется, можно стрелять. Жму на гашетку – промазал, и сильно. Да, если подумать, дистанция была 250м или больше. Снова правый вираж – а

вон ещё сверху на нас пикируют. Носом к ним, почти кобра Пугачёва, и снова стреляю. Но опять издалека, без шансов. А немцы опять сворачивают, в лоб не идут. Ещё одна чайка полого идёт вниз делая бочки, и врезается в землю. Нас немцы больше не атакуют. Ага, да они уходят. Две чайки за ними полетели, но я знаю, что не догнать. И вот никого не видно, садимся.

Выпрыгиваю из самолёта, передо мной Назаров. Но как-то он расплывается, плохо видно. Снимаю очки вместе со шлемом – всё равно вид какой-то смазанный. Назаров машет рукой – ладно, после доложишь, и убегает. И тут меня начинает трясти – да я же рыдаю. Лет тридцать я так не рыдал, а тут – не могу удержаться. Мейсун... Неужели я так привязался к этому грубоватому, но справедливому татарину? А ведь на войне он был бы отличным товарищем. За меня горой, летал всё лучше, в меру амбициозен, не ленив, а уж чтобы Мейсун струсил – это и представить трудно. И вот – погиб в первом же бою... У нас полно лётчиков хуже его, а погиб он...

Ладно, иду к речке, надо умыться. Снимаю гимнастёрку, моюсь по пояс. Тут же и Сергей – тоже помылся:

– Командир, там в столовой собираются, завтрак будет, пойдём.

Кажется, он легче гибель товарища переживает. Не знаю, почему.

В столовой смесь разных эмоций. Одна из поварих в голос плачет. Некоторые возбуждены и обсуждают прошед-

ший бой. Оказывается, мессеров было двенадцать. После нас взлетели шесть чаек из первой эскадрильи, двое у них погибли. На земле только трое раненых, один тяжело. Двое из взвода охраны и один оружейник. В сарай, где были ГСМ, прямое попадание, но у нас всё по землянкам, которые ещё в декабре вырыли. А вот часть патронов для ШКАСов разбросало взрывом. Есть совсем не хочется, я выпиваю два стакана компота с булкой местной выпечки. Меня все как бы избегают, кроме Сергея, конечно. Куда теперь? А, пойду в казарму. Кидаюсь на койку, в голове пусто. А вот кровать Мейсуна и его тумбочка... Но слёз больше нет.

– Панкратов, в штаб.

Солдат из взвода охраны. Они под началом особиста. Иду в штаб на автомате, мыслей ни одной. Там всё начальство: Петров, Назаров, Захаров, Смертин (это наш особист, вот такая фамилия). Говорить начинает Петров.

– Товарищ Панкратов, получен приказ произвести разведку. Вы готовы?

– Я, товарищ майор, военный лётчик, старший лейтенант. Выполнять приказы – моя работа.

– Хорошо, что ты об этом помнишь, – влез зачем-то особист.

– Я хочу знать твоё мнение, – это снова Петров, – Какими силами лететь?

– Парой, конечно. Это же разведка. Вот мы с Сафоновым можем. Больше сил и не надо, они ещё пригодятся.

– Поучает, значит, пришёл в себя, – это опять особист, так бы и дал в морду... Но не лучшее это дело, бить особиста. Он, гад, злопамятный. А его чин лейтенанта НКВД равен армейскому капитану.

Петров показывает на карте район, и я иду искать Серёгу. Чайки наши уже заправлены и патронов добавили, и мы взлетаем. Руки всё делают сами, на автомате. Мотор орёт, так что теперь я как бы в одиночестве, никого не услышу. И встречный ветер как бы выдувает что-то из головы, я снова начинаю соображать. Вот почему я так плохо воевал? Готовился, готовился, а как дошло до дела... Ведь я даже не знал количества врагов. Плохо видел, где они и что делают. Точнее, видел не всех. А главное... что я вообще делал? Взлетел навстречу – очень красиво. Если бы дальше всё шло само собой. Я ведь ничего не планировал, и в решающий момент не знал, что делать. Вот что я сделал? Два раза развернулся навстречу атаке сверху. Ну, это вынуждено, просто реагировал. Ещё два раза пытался сблизиться, но не смог. Итак, получается: у меня никакого плана, инициатива полностью на их стороне, я только реагирую. Атаковать я не могу, не хватает скорости. В общем, надо что-то придумывать, буду действовать инициативно – вот и буду знать, что делать.

Граница здесь проходит по реке Прут. Река немаленькая. Из любимой книги детства "Дымное небо войны" Речкалова я помню, что в первые недели румыны, вроде как, мало что могли сделать. А Речкалов месяц воевал до ранения. По-

том немцы севернее здорово продвинулись, и пришлось отступать. Значит, разведка моя бесполезна – если известно, что ничего особенного не произойдёт, то командование зря боится.

К моему удивлению, на реке суeta. Румыны строят переправу, кажется, понтонную. Вот и зенитки по нам стали стрелять, эрликоны. Пренебрегать безопасностью я не собираюсь, и тут же противозенитный маневр делаю. В общем, можно и улетать, главное разведано. Но у меня накопилось столько злости... На том берегу румын много, а местность открытая. Пикирую на самую большую толпу, и жму на гашетку. Вот против пехоты четыре скорострельных пулемёта – это хорошо. Их как дождём пулями поливает. То есть, восемь пулемётов – Серёга тоже стреляет. А уходим правым виражом. Первый раз вижу, что это и вправду неожиданно – зенитки нас потеряли, и только вдогонку стали стрелять, но мы уже ушли из зоны поражения. А самолётов вражеских не видно, как и наших.

Докладываю в штабе Назарову, показываю на карте место переправы. А вот когда сделают – не могу оценить. Немцы, кажется, за считанные часы делали, но это румыны.

- Вы там постреляли по пехоте, вроде, успешно?
- Откуда знаешь?
- Там пост ВНОС, они видели.
- А зачем тогда разведка? Они переправу разглядеть не могли?

– Так приказ. Начальство любит всё проверять.

Больше заданий пока нет, иду к самолёту. Его уже заправили, заряжают пулемёты. А неплохо бы их ещё и почистить. Обычно оружейники подчёркивают, что не подчинены мне, но тут начинают чистить пулемёты. Уж не знаю, почему. Может, потому, что я летал в бой, а они нет. Или боятся, что я не в себе и пристрелю. Ну, что делать? Посидим в столовой с Серёгой.

Лётчиков почти нет, вроде, вторая эскадрилья патрулирует над передним краем, из первой два звена на разведке. Вечером похороны намечаются. На обед куриный супчик, блюдо лёгкое, может, я смогу его съесть? В результате съедаю целых две тарелки. Делать нечего, пойду-ка в штаб, посмотрю, как там. Первый день войны, враги громят нашу авиацию, а я страдаю от безделья. Впрочем, полёты на чайке физически тяжелы, так что пары вылетов в сутки, может, и достаточно. Но мне так плохо, что хочется отвлечься.

В штабе идёт работа – вернулось одно звено из разведки, докладывают Назарову, тот рисует что-то на карте, потом начинает звонить в дивизию. Связь, как ни странно, не пострадала. Не знаю, есть ли в этом заслуга нашего особиста, или нам просто повезло. Скорее, нас просто не считают важным объектом. Ну и то, что против нас румыны, а не немцы, сильно сказывается. Минут через 20 меня зовут к Петрову.

– Есть ещё одно задание, пойдём к карте, – и мы идём к Назарову. Мог бы Петров просто подойти, не вызывая меня

к себе. – Вот здесь надо разведать, в этом районе.

– Да нету там ничего. Там же ни дорог, ни населения, пустое место и лес. Не полезут они туда.

– В дивизии хотят уточнить. Это далекоовато, а ты хорошо ориентируешься, не должен заблудиться.

– Он же цыганка, зачем ему летать? Карты раскинул, вот всё и разведано, – Смертин откуда-то подошёл. А может, всё-таки можно дать ему в морду, подкараулив наедине? Или лучше бить в корпус, чтобы следов не было? Видимо, особист что-то заподозрил по моему взгляду, он чертыхается и уходит.

– Михаил, ты мой лучший лётчик, комэск. Могу я на тебя полностью рассчитывать?

– Почему нет? Я так понимаю, меня кое-кто в трусости подозревает, но ты-то не такой дурак?

– Ты не трус, но ты себе на уме. А получается не по твоему. Что будешь делать?

– Что прикажут. Мы в армии, и идёт война. И ещё долго продлится.

– Ладно, выполняй. И... Спасибо. И возвращайся.

Опять мы с Серёгой летим в пустом небе, ни врагов ни своих. Но на этот раз и на земле никого не видно, лесистая местность с минимумом населения. Трудность в том, что горючего хватает впритык. Да и то лететь желательно не на полном газу, экономно. А уж если сбиться с маршрута – вынужденной посадки не избежать. Сам по себе я не собоюсь, дав-

но всё тут наизусть запомнил. Но если придётся драться, тогда... Тогда не знаю. Где-нибудь приземлимся.

Никого мы не встретили, ни в небе, ни на земле. Светлое время ещё остаётся, но вылетов не предполагается больше на сегодня – комиссар считает, что похороны погибших товарищей это важное политическое мероприятие, и с войной можно пока подождать. Говорятся какие-то речи, салют из винтовок. Мне всё это не интересно. А вот в столовой большое упущение: ни водки, ни спирта, ничего. Наверно, наркомовские 100 грамм позже введут. Обычно я не пью, но сегодня хочется напиться до свинского состояния. Забыться, отвлечься. Так ведь нету. Есть не хочется, а мне предлагают, подсовывают. И тут я не выдерживаю, и начинаю истерить.

– Как к пулемётам зенитным встать – так никто не хочет. Летать учиться – а зачем, нам лень. Будем с мессерами на вертикалях драться. Ну и что, что собою – зато похороны торжественные. На пары переходить – не, зачем что-то менять? Это лишнее беспокойство. ЭРэСы на складе лежат – зачем они нам? Пусть думает начальство, а Мейсун погиб. Ну и что? Мы и дальше будем так же. Погибнем, и хрен с ним. Зато голову включать не надо. Люди последнее отдавали, дали нам самолёты, дали возможность учиться. Но нам лень, мы лучше умрём, а кто вас защитит, нашу Родину, знать ничего не желаем. Но работать не будем. Тьфу. Как вам не стыдно на его похоронах.

Как ни странно, никто не ответил. Даже особист молчит,

и комиссар. И все стали расходиться. Но комиссар ко мне всё-таки подошёл:

– Михаил, нам надо семьям погибших писать. Может, Сафимым ты напишешь? У тебя получится, вон как говоришь.

Наверно, это мой долг. Не смог его сберечь, так хоть напишу. Прятаться за спину Захарова – только не в этом случае. И я написал:

"Дорогие Габделбар и Гульфия.

Я Михаил Панкратов, командир вашего сына. Был командир. Он погиб сегодня, 22 июня, в первый день войны, на рассвете. Мы взлетели навстречу фашистам втроём, а их было 12. Он, защищая меня, вышел навстречу двум врагам. Но им бы его не победить, потому что он атаковал не только смело, но и расчётливо. Если бы сверху на него не напали ещё четверо. Я летел ему на помощь, но не успел. В том, что он погиб, есть наша, его начальников, вина.

Он был самый смелый лётчик в полку, при этом старался сражаться с умом. Он научился неплохо летать, и мог стать великим воином. Но судьбе было угодно, чтобы он погиб. Я слышал, что воины, погибшие за Родину, попадают в рай. Не знаю, были ли у него грехи, но за то, как он дрался в этом первом нашем бою, можно многое простить.

Он не вернётся, и его не признают героем. Но он был прекрасным товарищем и грозным воином. Спасибо вам за такого сына и простите меня и всех нас, мы не смогли его спасти."

Надеюсь, Захаров решится отправить это письмо. Уж лучше, чем казённая отписка.

– Тебя там командир ждёт. Зайди к нему.

– Слушай, Михаил. У меня есть кое-какие знакомые в дивизии. Ещё со старых времён. И сейчас война. В общем, я договорился, дадут нам эРэСы. Пока немного. В общем, завтра лети с утра на чайке, а Сафонов пусть У-2 берёт. Тебе 8 штук подцепят, и 16 на У-2 Сафонов увезёт. Это для начала, а потом посмотрим. В том числе и от тебя будет зависеть.

– Есть, товарищ майор. Спасибо.

На У-2 летать вблизи фронта днём опасно, так что вылетаем мы на рассвете. А у них там ещё темно, так что не прилетят охотники. Приземляемся на том же аэродроме, где я появился в этом времени. Здесь тоже следы бомбёжки, обломки самолётов. Иду не в штаб, а к ангару склада. Петров, похоже, хорошо договорился. Мне сразу начинают ставить систему электропуска, и загружают эРэСы в У-2. Я пересчитываю – да, 16 штук. Идём пока завтракать, а потом к Чайке. А там чернявый носатый кавказец уже тестирует систему. Я не слишком верю в механиков с Кавказа, но этот конкретный чел, кажется, поработал неплохо. Проводки он провёл внутри крыла, и это не снимая обшивки. Наружу вывел через крепления держателей эРэСов. Всё очень аккуратно, кнопки пусков тоже установил хорошо. А ведь я догадываюсь, кто это. Или это не он?

– Товарищ Германовили?

– Да, а что?

– Ваш лётчик Речкалов Григорий?

– Да, вы с ним знакомы?

– Нет, но слышал, что неплохо он летает. Думаю, может стать хорошим бойцом. Но вы ему помогите, поставьте эРэ-Сы. Это хорошее, мощное оружие.

Обратно летим днём, но эРэСы под крыльями придают мне уверенности. Никого не встречаем. После обеда дважды летаем на патрулирование вместе с первой эскадрильей. Напрасная трата времени, горючего и моторесурса – никого не встречаем. Неужели нельзя эффективнее использовать посты ВНОС, раз уж нет локаторов? Плохо всё-таки воюем. А во второй эскадрилье потери – первый раз за войну они вели бой, и сразу двоих потеряли. Не везёт нам – уже пятерых потеряли, и никто с парашютом не спасся.

Вечером снова меня к Петрову вызывают.

– Ну что, комэск, доволен теперь, с эРэСами, наконец, летаешь?

– Да, большое дело, спасибо. Но надо и на другое обратить внимание. Например, в основном летаем зря. Плохо с постами ВНОС взаимодействуем. А ещё бы с войсками на передовой связь установить, они тоже много чего видят.

– Ладно, комэск, тебе не угодишь, я это давно понял. А вот самолётов в твоей эскадрилье маловато осталось, два всего. Хочу тебя пополнить, даю тебе двух сержантов, Самохина и Земцова. Ты всё мечтал летать четвёркой, вот и летай.

Видишь, все условия тебе создаю.

Так и хотелось мне ответить: «Что же вы не сделали это на два месяца раньше?», но промолчал я, а то действительно, неблагодарный какой-то.

С утра опять на разведку. Нам тут сервис организовали – еду прямо к самолётам подносят. А нас и осталось только шестнадцать, плюс Петров и Назаров, которые пока не летают. А Назаров – так и староват для истребителя. Я за завтраком немного объяснил сержантам, как им летать. Самохин теперь мой ведомый, а Земцов – Серёгин. Вместо Сергея, прекрасного ведомого, у меня теперь неопытный сержант, но выхода нет. Сергей в целом знает, как летать ведущим второй пары, а сержанты – за хвосты удержатся, и то успех для них будет.

Во время вылета тренирую своё звено (ну не считаю я, что у меня эскадрилья). Сначала плавные виражи закладываю, потом порезче. Сержанты сначала держатся, хотя я вижу их неуверенность, но потом делают что-то несуразное и чуть не сталкиваются. Дебилы, б.... Хотя – винить надо не их. Они плохо летают, хуже, чем Сафы осенью. А комэск-2, вместо того, чтобы их учить, решил, что получил двух бесплатных шестёрок. Ещё бы, они сержанты, а он целый старший лейтенант. И под тем предлогом, что летают они плохо, учил их в основном гладить его форму и чистить ему сапоги. А теперь их бросают в бой, необученное мясо. Были бы мы в Белоруссии против немцев – и их шансы я бы оценил ниже 1%.

Здесь, против румын... посмотрим.

Я считаю разведку – не самым лучшим делом для нас, истребителей. Нам бы врагов бить. Но нас и во вторую разведку посылают. Ладно, хотя бы сержанты научатся хоть чему-то, привыкнут, что они ведомые в паре. Моя чайка с эРэСами стала чуть медленнее, но за счёт пластикового покрытия не уступает чайке Сергея. А сержанты – у тех потрёпанные самолёты заметно медленнее. Они ещё и шаг винта не всегда устанавливают правильно.

Тем временем у полка первая победа. Вторая эскадрилья доложила о сбитом мессере. Во время патрулирования дрались они вшестером против четвёрки мессеров, и одного сбили. Говорят, что сбили. Подтверждения от пехоты нет, упавший мессер не найден. Не удивлюсь, если они стреляли, и предположили, что мессер потом упадёт.

После обеда и мы летим патрулировать. Эскадрильей, то есть четвёркой. Не слишком мощный патруль. Но хоть сержанты начинают крепче держаться за хвост. Занимаем зону над нашим передним краем, и я начинаю опять выражать и задирать нос, учу сержантов основным нашим приёмам. После того первого боя я противника ещё не встречал, и вот, надо же, летят. Юнкеры-88, девятка, тысячах на полтора, а мы на две забрались. Ну что же, удобно атаковать. Оглядываюсь кругом – б... на нас мессеры пикируют. Разумеется, мы летим вверх, навстречу. Естественно, немцы уходят в стороны. Их восемь, и они уходят в разные стороны, одна

четвёрка налево, другая направо. Кручу вираж налево, и поплачнее – не время сейчас терять ведомых – чтобы оказаться не между четвёрками, а ближе к одной из них. Мы теперь выше немцев, но они начинают уходить, не дали приблизиться. Вторая четвёрка начинает в хвост заходить, но до них ещё далеко и они ниже. Снова левый вираж, в лоб их встретить не успеваем, но они стреляют с неудобного ракурса и мажут, а потом проскакивают мимо нас. Теперь все враги от нас с одной стороны, и мы продолжаем вираж и поворачиваемся в их сторону. Первая четвёрка набирает высоту в стороне от нас, вторая уходит, дистанция снова великовата. Не торопясь летим в их сторону, понемногу набирая высоту. А торопиться нет смысла, всё равно не догоним, а топлива больше сожжём. Но и немцы не спешат нас атаковать. Подставляют под удар другой группы? Не видно никого. Ага, вот в чём дело. Их бомберы заканчивают бомбёжку, а мессеры их прикрывают. Может, на юнкерсы напасть? Но тогда подставим хвосты мессерам. Впрочем, юнкерсы уже поворачивают на запад, и нам их не догнать. За ними уходят и мессеры. Нам ещё пять минут дежурить, но много ли толку от нашего патрулирования?

Приземляемся, иду в штаб. А сержанты зачем-то за мной увязались, за ними и Сергей идёт. Сержанты страшно довольны, весело переговариваются. Ещё бы – первый бой, а они живы и даже хвосты ведущих не потеряли. Докладываю Назарову о полёте и бое.

– Ну что – вас можно поздравить? Дрались вчетвером против восьмерых, и все живы, и только несколько пробоин в плоскостях.

– Какие тут поздравления? Бой продули с треском. Они прикрывали бомбардировщики и прикрыли их, те без помех отбомбились. Мы прикрывали наши войска – и чем мы им помогли? Их бомбили как хотели.

Сержанты чуть рты не разинули, замерли без движения.

– Так что же ты, почему задание не выполнил?

– Потому что нас четверо, из них двое еле летят, а у них одно прикрытие – восемь мессеров. Было бы нас восемь, и хотя бы четыре хороших лётчика, мы бы вчетвером связали мессеры, а ударная четвёрка атаковала бы юнкерсы. Да и то – раций у нас нет, надо до полёта договариваться. А мы летим, не знаем, что будет в полёте.

– И что ты предлагаешь?

– Пока точно не знаю, но дайте мне с ВНОС поговорить, посидеть у связистов. Может, и не выйдет ничего, а может, что и придумаю.

– Да кто тебе не даёт, сиди. Пока заданий нет, не знаю, полетишь ли сегодня ещё.

Наш начальник связи, лейтенант Максим Гершт, курчавый носатый и очкастый еврей, напоминает мне сисадмина 21 века. Представитель таинственной касты электронщиков и программистов, хозяин сложной техники. Но мы с ним неплохо друг друга понимаем, чем-то он ближе к нам, чем

многие местные. На мою просьбу соединить меня с начальником ВНОС он как-то странно усмехается, кривя полные губы, и начинает что-то крутить и переставлять проводки. Вот и связь есть, на линии майор Теребынькин. С апломбом интересуется, по чьему поручению я к нему обращаюсь.

– Да по собственной инициативе, товарищ майор, с разрешения капитана Назарова. Хотел по-товарищески поговорить, как нам лучше координировать работу. Чтобы меньше было вылетов в холостую.

– По-товарищески, это хорошо. Но вот секретные сведения о самолётопролётах я вам не дам. А дам только товарищам Петрову, Назарову или Смертину. Вопросы, старший лейтенант?

Вот и поговорили. Понятно теперь, почему от ВНОС нам никакого толка. И почему кривил губы Максим.

– Макс, а с войсками наземными ты можешь связаться?

– С штабом дивизии? Могу.

– Лучше бы с полком, который вот здесь.

– Здесь... а кто здесь? Ага! Да, могу, там тоже есть наши.

Но, конечно, со связистом. А с командиром или начштаба – это если они захотят. Могут тоже спросить, почему комэск вызывает, а не командир или кто-то из дивизии.

Интересно, а кто у нас наши? Связисты? Или евреи? Я что – похож на еврея? Во всяком случае, не так, как Максим. Тот как с нацистской листовки, классика.

– Если связист толковый, то его достаточно будет.

На этот раз Макс возится дольше. Потом с кем-то разговаривает на идиш, я по Киеву запомнил звучание, узнаю его. Потом ещё ждём минуты три, наконец, меня соединяют.

– Что вас интересует, товарищ старший лейтенант?

По акценту национальность собеседника совершенно очевидна. Хорошо хоть, не на идиш со мной говорит.

– Вас как зовут?

– Миша Гешкенбейн.

– И меня Миша. Миша, вы в небо смотрите? Там самолёты летают, фашистские? Бомбят?

– Ещё как бомбят. Как по расписанию, в двадцать минут третьего бомбят каждый день.

– А как они летят, откуда, как поворачивают?

Миша довольно толково всё объясняет. Даже примерную высоту назвал. Впрочем, я сам их видел сегодня, около полутора тысяч они летели.

– А истребители когда прилетают, за сколько до бомбёров? Откуда, куда летят, когда улетают?

Миша снова всё знает и отвечает ясно и чётко.

– Спасибо, Миша. Хороший ты парень. Удачи тебе, и не попадай в плен.

– Это почему?

– Эти фашисты – они гады, хуже черносотенцев.

– Нуууу...

Кажется, он не верит. Передаю трубку Максу. Наверно, для евреев хуже черносотенцев только сам сатана. Не знаю,

есть ли он в еврейской религии. Я не большой любитель евреев, есть у них определённая заносчивость. Но вот – наш Теребынькин дело плохо поставил и разговаривать даже не хочет, наш Назаров тоже ничего не смог с этим поделать, а два жидяры очень толково всё сделали. Выполнив работу ВНОС и начальника штаба. Иду к Назарову, объясняю ему всё.

– Хорошо, лети, если хочешь, своей четвёркой. На тебя Петров глаза закрывает, но больше сил я тебе не дам.

Следующие полчаса я сижу над планшетом, пытаюсь с точностью до минуты рассчитать выход к прикрываемому району, причём подойти хочу с юго-запада. Это очень неудобно, зато есть шанс избежать боя с прикрывающими мессерами. Они, расчистив пространство, обычно улетают перед началом бомбёжки. Ну что – вылет завтра без трёх минут два.

Но сначала с утра мы летим ещё раз на разведку. Назаров хочет и ещё раз нас послать, но я напоминаю ему о предстоящей охоте на юнкерсы. Он некоторое время колеблется, не приказать ли, но машет рукой и идёт искать кого-то другого. Мы не торопясь обедаем, я разъясняю Сергею, Боре и Вове мой план. Да, даже сержанты, я считаю, должны знать. Хотя они и мало на что способны, но за хвост уже лучше держатся.

И тут к нам подходит комиссар. Он слышал, что мы что-то задумали, и хочет знать, в чём дело. Как объяснить этому дилетанту?

– Настало время, – напыщенно говорю я, – Испытать наше основное оружие – эРэСы. А для этого надо атаковать врага. Вот мы скоро с этой целью и полетим.

– А раньше, значит, врага бить не летали?

– Начальник ВНОС майор Теребынькин не обеспечил предупреждение о немецких налётах. А вот лейтенант Гершт справился с этой задачей. В первый раз сегодня мы полетим не в слепую, а с конкретным планом атаки на немецкие бомбардировщики. Был бы я комиссаром, поинтересовался бы, почему от службы ВНОС нам никакой пользы, а простые связисты выполняют за них их работу.

– Ты, старший лейтенант, раньше времени не хвались. У тебя сбитых нет, а вторая эскадрилья сбила. Твои эРэСы тебе дали, ведомых дали, а ты пока только и можешь, что на разведку летать.

– Верно, товарищ комиссар, товарищ Петров мне создал хорошие условия. И я постараюсь оправдать доверие.

Комиссар смотрит скептически, но отходит.

За две минуты до намеченного времени мы с Борей Самохиным идём на взлёт. За нами Сергей с Вовкой Земцовым. Летим не быстро, в экономном режиме. Выйдем или точно, или на пару минут раньше, если моторы не подведут, особенно у ведомых. Нам везёт – примерно на двух тысячах кучевые облака висят, то там, то тут. Забираемся на две сто. Перелетаем Прут вдалеке от дорог, по нам не стреляют. Теперь на север. Уже недалеко до цели, впереди большое обла-

ко. Спрячемся пока за ним. Мельком вижу точки – это мессеры прикрытия расчищают район. Надеюсь, нас они не заметили. Чуть раньше мы прилетели, и если бы не облака...

А вон и юнкерсы внизу идут девяткой. Мы от них к югу и выше, сам Бог велел зайти от солнца. Полого пикируем им наперерез. Сбрось они сейчас бомбы и пусть наутёк – и не очевидно, что догоним, даже имея преимущество по высоте. Но они выбрали другое решение, сдвинулись поближе один к другому, и идут бомбить. Наш заход от солнца не принёс нам выгоды – облако как раз закрыло солнце, и нас увидели. Готовятся встретить пулемётами. Немцы знают, что мы по уставу открываем огонь с двухсот метров. А с большей дистанции и бессмысленно из ШКАСов стрелять. Они начнут стрелять раньше, метров с двухсот пятидесяти, мешая нам целиться, а может быть, и сбить смогут или отогнать. Мы сначала приближались сбоку, а теперь бомберы ушли вперёд, и мы идём сзади и чуть сбоку. Скорость сближения очень маленькая. Они думают, что это выгодно им, мы как мишени висим в прицеле. Но они в прицеле у меня, я давно рассчитал дистанцию пуска эРэСов на такой скорости. Только бы не ошибиться с дистанцией, Ю-88 заметно крупнее чайки, а мы на чайках тренировались.

Я могу пускать эРэСы парами или четвёрками, спасибо Германовили, сделал такие кнопочки. Юнкерсы совсем близко сплотились, отличная цель для четвёрки эРэСов. Так, дистанция подходит. По направлению тщательно проверяю

прицел, всё-таки не прямо сзади идём. Всё в порядке, пуск. Четвёрка ракет пошла к юнкерсам. У них ещё есть секунда, но ничего уже не успеть, да и вряд ли они знают о таком оружии. Один за другим эРэСы взрываются. Всё-таки чуть неправильно я рассчитал, и сквозь строй юнкерсов ракеты ушли чуть ниже, снизу от самолётов взорвались, а лучше бы сверху. И два немного перелетели. Тем не менее, у одного юнкерса оторвало крыло, и он кувыркается вниз, мой первый сбитый. Ещё один сильно повреждён, его правый мотор горит, кажется, он весь изрешечён осколками, но пока летит. И даже открывает бомболюк и избавляется от бомб, сбрасывая их в Прут. Остальные бомберы тоже решили от груза избавиться. Строй их теперь нарушен, они разворачиваются в разные стороны, кто на север, кто на юг. А я устремляюсь на повреждённый юнкерс. Стрелок не стреляет, вероятно, убит взрывами эРэСов. Прицеливаюсь в левый мотор и со ста метров стреляю. Мотор вспыхивает — теперь юнкерсу не уйти. Точно, экипаж начал выпрыгивать. Так, что вокруг? Сафонов, блин! Я думал, он за мной летит, а он другой юнкерс атакует, кажется, тоже повреждённый. И как атакует! Они с Земцовым палят из всех пулемётов с близкой дистанции, и юнкерс начинает сильно дымить. Тем не менее, он заканчивает разворот и идёт на запад, хоть и с сильным снижением. Хоть бы додумался он далеко на запад не уходить! Это я о Сергее. Мессеров пока не видно, и можно ещё поохотиться. Вот юнкерс, который уходил на север, разворачивается к за-

паду. Это хорошо, я бы его не догнал, не смени он курс. А так я иду на перехват. Сбоку не стреляю, а когда он передо мной проскакивает, пристраиваюсь в хвост. Расстояние 300 метров, для эРэСов в самый раз, когда вдогонку. Спокойно целюсь, плавно нажимаю кнопку (это не винтовка, можно и резко нажимать, но такое настроение, хочу точного выстрела). На этот раз ракеты взрываются чуть выше юнкерса, одна правее, другая левее. Самолёт по виду цел и не горит, на плавно переходит в пике и пикирует до самой земли. Видимо, лётчик убит. Снова смотрю кругом. Сафонов вот он, вернулся, молодец. Блин... Мессеры с запада. Видимо, их вызвали по рации избиваемые юнкерсы. Снова восьмёрка. Горючего у нас уже немного, но осталась ещё одна пара эРэСов. По сравнению с прошлым боем – козырь. Ну и опыта у нас чуть больше теперь. Снова иду на них в лоб, только теперь они не сверху, а на нашей высоте. Снова они расходятся на две четвёрки, налево и направо. На этот раз мы дружно крутим вираж направо, для неожиданности. Мессеры, конечно, уже ушли, не успеть за ними. И снова не спешат нападать, и снова дальняя четвёрка набирает высоту. Бой идёт по похожему сценарию, но вот летим мы сейчас на восток и уже над нашей территорией. Если это те, что расчищали, то у них тоже горючее не в избытке. А это наверняка они. Держатся между нами и уходящими бомберами, которых мы итак не догоним и не собираемся.

Но вот та четвёрка, что высоту набирала, идёт на нас по-

лого пикируя. Скорость их сейчас за 500, а мы и 400 редко набираем. Летим им навстречу. Вдруг они резко уходят вниз – понятно, снизу хотят ударить, избегая лобовой атаки. Я перехожу в пикирование, за мной и остальные, и мы расходимся на встречных курсах. Теперь левый вираж – мессеры уже заметно выше и убегать не торопятся. Задираю нос и выпускаю последнюю пару эРэС. Эх, погорячился. Не прицелился как следует, и промазал метров на сто. Да и было далековато до них. Тем не менее, немцы разворачиваются и идут на запад. А может, горячее у них на исходе.

После посадки все трое моих подчинённых с воплями кидаются меня обнимать. А у меня почему-то особых эмоций нет. Идём в штаб. Они все скачут вокруг, что-то кричат, смеются. Хотел доложить Назарову, но он у Петрова. Там же Захаров и Смертин. Докладываю о трёх сбитых юнкерсах и одном подбитом. Смотрят недоверчиво, но молчат. И тут Гершт заглядывает – мол, наземники вызывают. Петров берёт трубку. Оттуда слышатся восторженные вопли. Опции громкой связи здесь нет, но все слышат радостные вопли командира полка. Он лично видел, как мы сбили четыре юнкерса, а двух лётчиков они даже в плен взяли (они, наверно, и стрелка и штурмана лётчиками считают).

– Четыре, не три? – уточняет Петров!

– Четыре! Сам видел! – Петров развернул трубку к нам и мы слышим всё – Первый раз такое вижу, какое-то новое оружие, типа миномёта. Как дали – бум! Один вниз кувыр-

кается, другой горит. Потом ещё добавили. Те прыгают, мы выслали за ними людей. А ведь эти гады нас каждый день бомбили. Мы просили прикрыть – никакого толку. И вот, наконец, прислали соколов. Они хоть живы?

– Спасибо, товарищ полковник, они все живы, потом подтверждение подпишете?

– Конечно! Я бы им ордена подписал, будь моя воля. Бойцы прыгали и кричали, наконец-то бьют проклятых фашистов.

Наконец, разговор закончен, Макс подмигивает мне и уходит.

– Так что, товарищ Панкратов, сколько сбили?

– Я три сбил, но вот ещё Сафонов – они с Земцовым ещё по одному стреляли, он сильно задымил и пошёл на запад со снижением. Я думал, подбит, но может, он и упал, мне уже некогда было смотреть, я как раз погнался за четвёртым.

– Значит, четыре. Три лично ты, хоть и жирновато тебе сразу три, а четвёртый? На Сафопова или групповой?

– На Сафопова. Групповые – это не пойми что. Чи срав, чи ни.

– Это как?

Рассказываю им анекдот. Все начинают ржать. А комиссар долго не может остановиться, вытирает слёзы, которые у него от смеха активно пошли. Но пора уже и работать. Комиссар берёт меня за рукав, и отводит в сторону, обычный приём для этого времени. Заменяет предложение поговорить.

– Товарищ Панкратов, теперь мне ясно, что вы были абсолютно правы. Надо было этим оружием всех вооружить. Сейчас бы уже сбили... – он начинает загибать пальцы, шевелит губами, – В общем, много бы сбили. Я никак не мог понять – вроде, вы настоящий коммунист, но иногда... Какие-то сомнения. А теперь понятно, что вам место в партии. Будете принципиально отстаивать... Ну, вы сами знаете, что. Согласны?

Я, в общем, считаю, что вступить в ВКП(б) во время войны – это никакой не карьеризм, а даже почётно. Я бы уважал такого человека, если бы встретил.

– Вопрос серьёзный. Я не против, но пока не думал. Надо же ещё рекомендации.

– Я всё организую. Теперь война, и надо всё делать быстро. А укрепить партийную прослойку... Тем более, вы сбили три, и ваш ведомый один. Я знал, что вы хороший лётчик. И вы так принципиально выступали... Ваши с товарищем Елизаровым стенгазеты... Эти зенитки, землянки для горючего. Вы были правы, и не боялись, как настоящий коммунист. Мне товарищ Назаров сказал, что если бы не землянки, весь полк сидел бы без горючего. В общем, вот моя рука.

И он протянул руку, довольно пафосно. Он любит пафос. Жму ему руку с соответствующим выражением лица. Зато теперь он мой союзник. Туповатый, но по своему влиятельный.

Вечером в столовой веселье: отмечают нашу победу. Я то-

же говорю речь, отмечая роль Гершта и Гешкенбейна, благодарю Петрова за эРэСы. И тут сюрприз от комиссара: мне торжественно вручают билет кандидата в члены. Я думал, быстро – это пара недель. Оказалось – четыре с половиной часа. А поручители: сам Захаров и... Смертин. Уж не знаю, насколько добровольно. Мог и нажать на него Захаров по партийной линии. Захаров и ещё обещает какой-то сюрприз, загадочно улыбаясь.

Вечером заглядываю в штаб, к Назарову. Нашу полуторку уже послали на склад за эРэСами.

– А системы электростарта дадут?

– Это что?

– Ну, как эРэСы узнают, что их хотят запустить? Провода к ним должны подходить. Нажимаешь на кнопочку, срабатывает электропуск. Вот эти провода и кнопочки нам нужны.

– Ё... Что же делать? Я не знал. Машина ушла уже...

– Вот у вас телефон.

– Точно. – Назаров зовёт Гершта, тот ловко соединяет со складом. Назаров говорит просительным тоном, потом тон всё повышается, переходит на крик с матом, но в конце успокаивается.

– Пять комплектов нам пока только дадут. Им самим не хватает.

– Ну, неплохо для начала. Чур мне один для Сафонова, мы и установить сможем сами с техниками.

– А остальным кто установит?

– У них там есть такой, Германович, он мне устанавливал. Хороший мастер.

Назаров опять звонит, уговаривает, ругается, но на этот раз всё без толку.

– Ладно, Иван Алексеевич, не расстраивайся. Пришли техников к моему Ивану Прокопьевичу, пусть помогают ему, заодно и научатся. И можно ещё остальным электропуск кустарно установить, вещь несложная. И запасайте эРэСов побольше, скоро штурмовки пойдут, они десятками будут уходить. Не одними же пулемётами штурмовать.

На этот раз я явно накаркал. С утра из дивизии задание на штурмовку. А кому лететь? эРэСы только у меня. Но Сафонов без самолёта пока – ему электропуск устанавливают. Можно самолёт Назарова взять, всё равно простаивает. Но неожиданно Петров хочет лететь лично. Ему интересно поглядеть на работу эРэСов.

– Вы, товарищ командир, не умеете же четвёркой летать.

– Я на самом деле слушал, что ты говорил. Я знаю, что немцы кое-что в авиации понимают, а они летают парами. Я порисовал схемы, подумал – кажется понял. Полечу второй парой с твоим Земцовым.

– Тогда, товарищ майор, над целью, пока я штурмую, вы в сторонке держитесь и за небом смотрите. Если мессеры появятся, знаете, что делать?

– В лобовую.

– Да. И потом виражи.

На карте обстановка хреновая. Получается, румыны провалились и движутся вперёд. Не совсем на нас, южнее, но... Вот дорогу, по которой они прут, нам и поручено штурмовать.

Я иду на запад примерно в километре правее дороги. Нас оттуда видно, а вот стрелять из эрликонов далековато. Я и сам присматриваюсь. Но ничего вкуснее колонны грузовиков с прицепленными пушками не вижу. Танков нет. Зато в грузовиках, похоже, снаряды. Как бы осколками не зацепило, если рванут. Не доходя Прута левым виражом разворачиваемся на восток и идём над дорогой. По дороге пехота пылит колоннами. Нас с запада не ждут (не привыкли ещё) и даже не разбегаются. Тут майор не выдерживает, и начинает палить из пулемётов. Земцов к нему присоединяется. А вот Сафонов послушно идёт за мной, кое-чему научился уже.

Я делаю горку, и с пологого пикирования выпускаю первую пару. И сразу резко влево. Затем лезу вверх и второй раз пикирую уже круче. Румыны опомнились, и по мне начинают стрелять. Мимо, конечно. А вот когда я из пике выходил, очередь пересекла крыло. Вот ведь с...., испортили мою красивую чайку. Ну, это вам не пройдёт... следующий заход на зенитки, выпускаю эРэСы и добавляю пулемётами. Вроде, заткнулись. Но последний заход на всякий случай со стороны солнца делаю, оно пока на востоке. Кто-то всё-таки стреляет по нам опять. Зато эРэСы точно в грузовик попадают, и он взрывается так, что меня подбрасывает. Всё, правый

вираж, и домой, и даже теперь подальше от дороги.

Петров, вроде, ничего и не делал кроме стрельбы по несчастным солдатам (а из восьми скорострельных ШКА-Сов по колонне – это бойня), но вспотел весь. Ему бы летать почаще. Но доволен.

– Ну они и хреначат, эти снаряды! Что же ты раньше молчал?

Он что – умеет шутить? Машет рукой, мол, не бери в голову, ляпнул, и идёт в штаб. А мою чайку теперь ремонтировать надо, заплатки клеить... Ну, мы к этому готовились, клей и перкаль запасены у Ивана Прокопьевича. И до обеда я отдыхаю. Рассказываю Серёге как пользоваться эРэСами. Это замечает комиссар, и мне приходится повторить лекцию перед четырьмя командирами звеньев. Им тоже собираются установить электропуск.

А после обеда – опять задание на штурмовку. В полку теперь два самолёта с эРэСами, мой и Серёги. Наша четвёрка и идёт на задание. На этот раз я лечу на пять километров севернее дороги и дальше – за Прут. Ого, как удачно! У переправы толпа, скопление солдат и техники, и в том числе танки! Конечно, какое-нибудь старьё (я даже не пытаюсь их распознать), но всё же. Я сходу влепляю в самую гущу сразу четыре эРэСа. Придётся им теперь на мост идти по слою мяса и крови. Сергей тоже выпустил, но только пару, и не очень удачно. Его эРэСы идут вдоль над землёй и взрываются уже на краю толпы. Ну, тоже неплохо, такие взрывы. Надо

ему учиться целиться. Покачиваю крыльями, мол, смотри и учись, и пикирую на танк. Точно в четырёхстах метрах выпускаю ракеты – прямое попадание! От танка идёт столб чёрного дыма. Сергей пытается повторить мой маневр. По нему и Вовке лупят эрликоны. Вон они где, в стороне от переправы установлены, и сразу четыре. Ну, неплохая цель для ЭР-эСов. Меня они увидели поздно, не успели перенести огонь, ракеты пошли. Думаю, там мясо – зря они так плотно стояли. Теперь я отхожу в сторону и смотрю за небом, а Сергей ещё два захода делает. Получается у него уже лучше, но пробоины они с Вовкой привезли – по два десятка. Вообще-то чайка не штурмовик. Лёгкий самолётик, из брони только бронеспинка. Если так пойдёт дальше – мы будем гибнуть один за другим. Конечно, и врагам ущерб не малый наносим, но... Не наше это дело, пусть илы штурмуют, у них броня. Докладываю эти соображения майору Петрову. Он сегодня жизнерадостный, возможно, после утреннего вылета.

– Забыл? Ты же сам говорил, некому кроме нас. Много ли у нас илов? А штурмовать надо, сам видел, идут нагло по дороге, будто и войны нет.

И началась у нас «весёлая» жизнь. Есть песня про «восемь вылетов в сутки», и Речкалов писал про семь вылетов. Но у нас такого не было – два-три вылета, это тоже немало. Но теперь – началось. С утра вылет на разведку, посмотреть, где румыны, а где наши. А потом – конвейер. До румын близко, примерно 50км, взлетел, отстрелялся, сел. Быстро

дозаправили и вооружили, вторая штурмовка, потом третья. Потом обед, а потом ещё три вылета. Пробоин – не успевают заклеивать. Я теперь с 600 метров эРэСы выпускаю, перенастраивают мне взрыватели. Не столько точностью беру, сколько количеством. 48 снарядов за день, и довольно прицельно. Трудно посчитать, скольких я убил, но, думаю, счет на сотни идёт. Два дня по семь вылетов, на третий ещё семь, и вечером новое задание. Наконец-то восьмой вылет за сутки. Но на этот раз не боевой – на новый аэродром перебазировуемся. Первыми мы с Самохиным летим, и по телефону докладываем. Потом остальные, это завтра, а потом и все службы подкатят.

За эти три дня мы ещё двоих потеряли, и два самолёта в ремонте, пришлось Петрову и Назарову пока свои уступить. Теперь в первой эскадрилье две тройки, а во второй и у нас – по две пары. С эРэСами шесть самолётов, но из них один в ремонте. В общем, не полк, а эскадрилья. Но начальство повадилось нагружать нас заданиями. Вдвое больше теперь заданий, чем в первые дни, а самолётов меньше, и их часто приходится ремонтировать. Моя чайка как леопард, пятнистая. На белом и голубом пластике тёмно-зелёные заплаты. Было и в мотор два попадания.

Ещё было два налёта на аэродром. Но мы теперь неплохо маскируемся, а оружейники сделали две наземные установки для пуска эРэСов. Правда, перед пуском приходится в сторону отбегать, но отпугивают неплохо. Наши ШКАСы тоже

все в деле. В общем, всех потерь – трое раненых. Один из них, правда, техник, но сейчас техников у нас больше, чем самолётов. Но работы им хватает.

Меня послали первым как лучшего ориентировщика. Наши комэски 1 и 2, вроде, опытные лётчики, но нередко умудряются «блудить». А мне перелёт на 60км сложным не кажется. Я время рассчитываю, за направлением слежу. Могу и несколько отрезков с разным азимутом пролететь. Да и местность тут открытая.

Аэродромы в эту эпоху незамысловаты. Приземляемся на поле, которое когда-то пахали, а теперь оно заросло травой. Нас встречают два чела, старшина и сержант. Больше здесь пока никого, но связь есть, не с нашим полком, правда, а с дивизией. Докладываю об увиденном, всё, на сегодня мы свободны. Хочется искупаться, но нет ни речки, и ручейка. Есть, правда, колодец. Здесь явно был хутор на одну семью, но богатую. Большой дом с железной крышей, ещё постройки, отдельно большой сад. Хозяева куда-то подевались, а неподалёку построили барак, это казарма. Ну и среди сада (он чуть в стороне от усадьбы) столовая, как обычно, два навеса, под ними столы и лавки.

Мы с Борей находим большое корыто и два тазика, он приносит откуда-то соду. Этой содой можно стирать. Набираем в ёмкости воды, и моемся ледяной водой из ведра. А потом и стираем. Сначала бельё, а потом – а, ладно – и всё остальное. Развешиваем вещи на заборе и идём в казарму голы-

шом. Кроватей здесь нет, нары. Но, похоже, здесь никто не жил, построили в прошлом году и забросили. Меня давно смущало, что мой парашют неизвестно кто укладывал. Мне и прыгать приходилось и укладывать, хотя и другой парашют, конечно. И вот, кажется, настало время. Достāju парашют, стелю на нары и им же укрываюсь. Ткань не мягкая, но лучше, чем ничего. У старшины полно жратвы, но он жмотистый, и мы просить не стали, легли натошак.

Утром старшина и сержант кашеварят в доме, готовя завтрак для всего полка (реально на два десятка человек, в этом времени отделения почти такие). Боря нашёл старинный чугунный утюг. Поругавшись со старшиной, он всё-таки засунул утюг в печку. Справлюсь ли я с таким утюгом, я так и не узнал – Боря вызвался погладить всё. Я пока укладываю парашют. Глаженое бельё очень приятно, какая-то особая свежесть. И чё я его дома не гладил? А какой у меня был утюг! А стиральная машина!

Хутор расположен на возвышении, очень пологом. Кругом поля и видно очень далеко. Вот вдалеке показалась чёрная точка со шлейфом пыли – легковушка, и явно к нам. Но едет не быстро. А вот и звонкие звуки М-62 – наши летят. Впереди Петров и Назаров, за ними мои Серёга и Вовка. Потом две тройки первой эскадрильи и две пары второй. Первый вылет всем полком за всю войну.

Петров сразу начинает распоряжаться, как рассредоточить самолёты. Это несложно – два сада и роща, а нас три

эскадрильи. Я уже расположился в ближнем саду, он и побольше. Здесь же и начальство свои чайки оставляет. Петров и Назаров идут в дом, остальные осматривать казарму и искать что-то вкусное в садах.

И тут подруливает пыльная чёрная эмка. Из неё вылазят три чела. Один сразу привлекает моё внимание – на Гершта похож. Тоже высокий, носатый, чёрные кудри. Только не такие мелкие, как у Макса. Он вытаскивает треногу с ящиком – да это же старинный фотоаппарат! Второй открывает капот и начинает рыться – понятно, шофёр. Третий идёт ко мне:

– Товарищ, не покажете ли нам, где штаб?

– Вон.

– А проводите?

– Нет, но могу указать направление, – в голове вертятся разные варианты со словом на X, но я честно смотрю на солнце, на часы, и – Азимут триста пять.

Этот небольшой черный человечек тоже мне как будто знаком. Точно, Гешкенбейн! У него такое же произношение. Уж не родственник ли?

До штаба всего двести метров, и вскоре гости возвращаются вместе с Назаровым.

– Вот, Миша, это корреспонденты. Товарищ Фабрикант и...

– Товарищ Крупчицкий, Лев Крупчицкий. Мастер фоторепортажа. А я – Борис Фабрикант, корреспондент «Во славу Родины» – он протягивает мне руку. Через пару секунд я

понимаю, что «Во славу Родины» это название газеты. Сначала показалось, что это такое самовосхваление. Он умеет шутить – это хорошо. Кажется, я понял, о каком сюрпризе говорил комиссар. А Фабрикант, похоже, совсем не сердит-ся. Кажется, даже доволен. Возможно, рад, что наконец до меня добрался.

– А вы ведь Михаил Панкратов? Это вы сбили трёх фаши-стов новым оружием? Мне про вас товарищ Захаров расска-зывал. Сразу хочу пояснить: мы не из армейской газеты, мы из фронтовой. Надеюсь, вы понимаете разницу. Это очень высокий уровень. Мне кое-что товарищ Захаров уже расска-зал, но мы приехали сюда издалека поговорить с вами лич-но, ну и сфотографировать для газеты. Давайте я задам вам вопросы, или вы сами что-то хотите сказать?

Тем временем Крупчицкий неторопливо ходит вокруг, аки рыкающий лев. Выбирает ракурс для фото. Я журнали-стов ещё с тех времён не люблю – народ бессовестный и страшно некомпетентный. Но с сомнением. Вот и этот со мной явно пытается попроще говорить. Но идея комиссара написать об эРэСах во фронтовой газете мне нравится.

– Сначала сам расскажу, потом вопросы.

И я рассказываю. О том, что чайка с эРэСами – это гроз-ный для любого врага самолёт. А уж для бомберов – просто смерть. А без них – тихоходный устаревший биплан, кото-рого бомберы не подпустят, а издалека стрелять бесполезно. Потом ещё о том, что летать надо парами и четвёрками. Объ-

ясняю, что вираж тройкой выполнять неудобно, а парой и четвёркой – запросто. Ещё о том, что нам надо воевать именно на виражах и всегда в начале боя идти в лобовую атаку, которую немцы не примут. В заключение выражаю уверенность, что воевать на наших машинах можно, и в конце концов мы победим.

Фабрикант страшно доволен, никаких вопросов не задаёт. Наверно, ожидал встретить дубового чурбана. Лев, тем временем, выбрал ракурс. Весьма банальный, на фоне моей пятнистой чайки оригинальной расцветки и по солнцу. Он делает всего один снимок – наверно, бережёт фотопластины. В наше время щёлкнули бы раз сорок. И газетчики тут же уезжают, даже не оставшись на завтрак. А вот мы с Борей как раз на завтрак и отправляемся.

Я уже привык не терять времени, а тут – непонятно, что делать. Иду в штаб. Назарову явно не до скуки – орёт в телефон, собирается куда-то бежать. Весь взъерошенный. Но останавливается поговорить со мной:

– Ну что ты хочешь? Ты же видишь – горючего нет. Техников, оружейников, охраны, комиссара, особиста, поварих, официанток – никого нет. Боеприпасов нет.

На мой естественный вопрос, когда их ждать, Назаров разражается матерными фразами. В общем, ничего не ясно. У меня бак почти полный, и вооружение установлено. Но Петров предпочитает пока последнее не расходовать. В общем, у нас отдых на неопределённый срок. А купаться негде...

Так целый день и пробездельничали. Потом ещё один. А на третий день утром два пункта из недостающего мы получаем – приехали комиссар и особист. Комиссар страшно доволен. Что полк третий день не летает – ему пофиг, зато он привёз газеты. Одну сразу отдаёт мне. Там на первой странице мой портрет на фоне чайки, и довольно крупный и даже узнаваемый. Да, Лев Крупчицкий и вправду мастер. А вот Фабрикант... Что это он пишет? Я, оказывается, «высокий цыганистый лейтенант по прозвищу цыган». Я, блин, старший лейтенант, и он сам цыганистей меня. Дальше и вообще бред. Оказывается, «некоторые военные с заскорузлым мышлением» не хотели внедрять новое оружие. А вот комиссар товарищ Захаров, благодаря знакомству с учением Маркса-Ленина... Кстати, я тут поначалу нередко Сталина упоминал, думал, что так положено, его славить. Но кроме меня этим как-то никто не увлекался. Видимо, ещё не наступило то время, культа личности. Вот и Фабрикант – Маркса-Ленина, а про Сталина молчок. И оказался я тут главным сталинистом, прикольно. Так вот, комиссар понял силу нового оружия, «созданного партией» (да, так и написал. Я, правда, и сам так Захарову говорил, но я-то шутил). Но никак комиссар не мог преодолеть тупости тупых военных. И тогда он пошёл на хитрость: принял одного из нас, тупиц, в партию. Тут уж этот тупица отказаться не мог, и полетел с новым оружием. Оружие это столь совершенно, что даже тупой цыган (так местные говорят, с ударением на первый

слог), немедленно «легко» сбил сразу три вражеских самолёта. Легко, блин... Его бы самого под пули, борзописца.

Ещё я начал летать парой потому, что потерял ведомого и «покаялся и вдвоём воевать за троих». Ещё о том, как фашисты боятся лобовых атак. А вот о виражах – ни слова. Зато верно процитировал, что с немцами можно воевать и что мы победим.

Писаки... Какими они были, такими и остались. Высказываю комиссару всё, что думаю об этой статье и о писаках вообще. Тот лишь улыбается:

– Всегда так пишут в газетах. Им виднее. Зато, товарищ Панкратов, портрет хороший. И петлицы видно, все поймут, что вы старший лейтенант. И помните – вы коммунист. Вот и напишите сами, как считаете правильным. А я передам. Не обещаю, что напечатают, но... Не всё сразу. эРэСы тоже не сразу вам дали. Я не против – напишите о вашей роли в пропаганде эРэСов.

В чём комиссар прав – так это в том, что напишу я точно получше Фабриканта. Время как раз есть... Ухожу вглубь сада и пишу на планшете. На те же темы, но разумно и аргументировано. Ещё добавляю о необходимости вертеть головой, о манере немцев атаковать со стороны солнца или из-за облака, о применении хитростей, например, заходе на наземные цели с запада или со стороны солнца.

Пока пишу, в голове вертится четверостишие из какого-то фильма:

Друзья давайте выпьем за победу
Она придёт, ты только погоди
Внизу наш дом, а это – наше небо
Мы никому его не отдадим.

Но первая строчка мне не нравится. Сколько лётчиков погибли из-за водки... Нет, я такого не напишу, вся карма сразу к свиньям собачьим. Надо переделать. Может, «Я как цыганка нагадал победу»? Нет, неубедительно. Я нагадал... Они же не знают, что я гадаю без промаха. Надо что-то другое... «Воюй с умом и приближай победу». Как-то казённо. Но сойдёт, я же не поэт. Пишу эпиграф, и иду отдавать комиссару.

А вот и караван нашего БАО – батальона аэродромного обслуживания. Их, конечно, далеко не батальон. Так и нас не полк. Кроме нашей полуторки ещё три ЗиСа, цистерна и две телеги. Ну вот, теперь начнётся работа. Но сегодня полётов не будет.

Вечером ко мне неожиданно Гершт подходит. Мы идём гулять по саду.

– Товарищ Панкратов, я тут поговорил... Во ВНОС тоже есть...

– Наши?

– Да. И мне обещали, что дадут мне знать, если что-то важное будет. А я вам.

– Ну, информация лишней не бывает. Но и Петров и Назаров, я думаю, не откажутся.

– Это же не официально. Лучше вам, – и Максим как-то мнётся, смущается.

– Макс, мы же свои люди. Говори на ты, и не стесняйся.

– Спасибо. Миша, скажи, это правда, что фашисты хуже черносотенцев?

– Да, это точно, – я думаю, как бы сказать, что он сам после узнает. Но Макс, видя, что я ищу слова, мне помогает:

– Я знаю, что бывают такие люди, кто знает будущее. Сейчас об этом не говорят, но мне сказал дедушка. Он...

– Рабби?

– Да, – Гершт всем видом выражает облегчение. Я оказался «наш». А он, видимо, мучился, наш или нет.

– Максим, у тебя родственники где?

– В Киеве.

– Ты им напиши. Если есть возможность, пусть уезжают. Например, в Куйбышев. Или даже в Ташкент. И даже если нет возможности, пусть драпают.

– В Куйбышев достаточно?

– Да, всё Поволжье достаточно. Кроме Сталинграда, туда не надо.

– Кроме Сталинграда?

– Да.

– А время у них ещё есть?

– Примерно два месяца. Тянуть не надо. И пока письмо дойдёт.

– Ну, я же связист. Есть способы... И спасибо, я знал... Я

надеюсь, мы вам... Мы тебе тоже ещё поможем.

Ну вот, то я цыган, теперь вот еврей. Так и чукчей станешь...

Сразу в нескольких местах копают, демаскируют аэродром. Землянки для взвода охраны, погребки для горючего и боеприпасов, щели против бомбёжки. И ещё щели отхожие места.

А утром начинаются полёты. Первый вылет, традиционно на разведку. И нам надо новую местность осваивать. Я-то уже карту наизусть выучил за эти три дня отдыха, а вот остальные... Я их учу, но не всем даётся несложная наука навигации.

Завтракаем уже после вылета, и я иду в штаб за новым заданием. Назаров задумчиво разглядывает карту, приказов из дивизии пока нет. И тут врывается Гершт. Вместо «Разрешите обратиться» он выпаливает:

– Большая группа бомбардировщиков. Хейнкели 111. Вот здесь. Курс 95. Минуту назад. Высота две -две пятьсот.

А ведь мы у них почти на пути. Если быстро взлететь... В течение 10 минут, успеем перехватить.

– Панкратов, понял, где перехватывать? Тогда на взлёт. За тобой первая полетит. Где эти раздолбаи? Ещё в столовой? – и начштаба убегает.

Через три минуты наша четвёрка уже идёт на взлёт. В первой эскадрилье уже начинают запускать моторы. Хейнкели... Ну, они не слишком быстрые. В минуту около 6 км,

или даже 5.5. Перехватить нетрудно, но надо ещё высоту набрать. А вот зайти на них лучше сзади, а не сверху. Так легче прицелиться эРэСами. Рассчитываю прямо за штурвалом траекторию перехвата, даже в планшет заглянул. Да, должно получиться. Подходим сбоку и чуть сверху, левый вираж и в хвост, на дистанции примерно 500.

Но не то хейнкели шли медленнее, не то мы взлетели быстрее, чем я думал, но – мы уже в точке встречи, а хейнкели – вон они, подходят с запада. Что же делать? Летим пока навстречу, в лоб. Так попасть трудно. эРэСы у меня на 400м, летят целую секунду. За это время мы на 200 метров сблизимся. И опоздать на полсекунды – это промах на 100 метров. Я вдруг начинаю видеть точки, где взорвутся эРэСы. Как в компьютерной игре. Вот уже две внутри строя и две перед, и я вдруг жму кнопку. И ухожу вверх. Иду на мёртвую петлю. Остальные не умеют, ну, как-нибудь выкрутятся, высота большая, можно и из штопора выйти успеть. Я теперь в бою неплохо вижу, что происходит, не то, что в начале войны. Хейнкелей две девятки, дистанция между девятками 500, строй сомкнули. эРэСы взрываются в тех самых зелёных точках, которые я вдруг увидел. Два массивных самолёта плавно сближаются, их винты перемалывают друг друга, двигатели вспыхивают, и они рушатся вниз. Ещё один горит и быстро снижается. После петли я пикирую прямо на повреждённый бомбер. Стрелять по двигателям? Почему-то хочется по лётчику. Со ста метров открываю огонь – хейн-

кель падает. Кто-то из него выпрыгивает, кажется, двое. А что ведомые? Похоже, у них получилась мёртвая петля, у всех троих. Сергей выпускает пару эРэСов – да не торопись же ты! Ракеты проходят сверху сквозь строй и рвутся метрах в ста ниже. Так он скорее в меня попадёт...

Шесть хейнкелей идут теперь без всякого строя и даже в разные стороны. Не будь у нас эРэСов, я бы на них и охотился, огонь их стрелков так слабее. Но сейчас меня привлекает вторая девятка. Она уже ушла вперёд, и я захожу сзади, как и собирался. Медленно приближаюсь. Вдруг вижу взрыв эРэСов – Сергей за мной не пошёл, он погнался за одиночным Хейнкелем, и снова промазал. Я конкретно целю в правую заднюю машину, чтобы поменьше к ним приближаться. Точек теперь не вижу, но рассчитать момент пуска нетрудно, скорость сближения очень маленькая. У эРэСов рассеяние непредсказуемое – то точно идут, то отклоняются. На этот раз снаряды взрываются, кажется, прямо под двигателями. Хейнкель сразу идёт вниз, не жалец.

Сергей преследует хейнкели из первой девятки, выстроившиеся тройкой. Они палят по нему с большой дистанции, кажется, с 500 метров начали. Уже поняли, что сближаться на 200 он не будет. А ведь могут и попасть... Сергей выпускает эРэСы чуть раньше, чем надо. Но ему везёт – один из передних эРэСов взрывается прямо над кабиной. А вторая пара совершенно без толку пропала. И уже пятый внушительных размеров самолёт сначала пикирует, а потом беспорядочно

кувыркается.

Тем временем появляется первая эскадрилья. У них два самолёта из шести с эРэСами. Они явно нацеливаются на вторую девятку. Из первой девятки трое сбрасывают бомбы и разворачиваются, а двое из той тройки, по которым стрелял Сергей, упорно летят к своей цели. У меня ещё пара эРэСов, вот бы снять того, что впереди идёт. Я сзади, сбоку и повыше, но он уходит, и я всё больше оказываюсь прямо сзади. А ведь стрелять по переднему опаснее – ближе надо подойти. Что выбрать? И тут враги перестраиваются – передний уходит левее, задний его догоняет. Собираются одновременно стрелять вдвоём. Точно, открывают огонь. Ну, мне ещё сблизиться метров сто минимум, пока можно и маневрировать, не висеть же в прицелах. А стреляют они неплохо, пули близко летят. А если бы я не маневрировал? Вот дистанция уже меньше 400 – пора! Прицеливаюсь в левого, пуск! И сразу влево ухожу. Так, не совсем точно. Левый мотор загорелся, но он же и на одном может. Если пожар прекратится, конечно. Может, добить ШКАСами? Конечно, надо сблизиться... Может, снизу подойти? Время есть, ему теперь не уйти далеко на одном моторе. Но их хейнкеля вдруг начинают фигурки падать. Затем и сам хейнкель падает, мотор горит сильно. В пулемётах ещё есть патроны, наверно, герои должны добивать врага. Но я не считаю это хорошей идеей – уже понял, что стреляют они неплохо. Всё, возвращаемся.

Докладывать идём все вчетвером. Я собирался Назарову доложить, но Петров нас уже встречает. Докладываю о шести сбитых эскадрилей хейнкелях. Петров боится верить, Захаров радостно потирает руки. Заглядывает Гершт, как обычно, он держится не по-военному. Обнимаю его и благодарю. Я, правда, весь потный. Гершт соображает быстро:

– Сейчас попробую найти тех, что внизу, запрошу.

И он действительно находит какой-то тыловой гарнизон, там видели бой, видели сбитых, выслали группы для задержания парашютистов. Они, правда, только четыре сбитых видели. Но вечером пленные румыны подтвердили, что потеряли семь самолётов. Ещё одного сбила первая эскадрилья. Это их первый сбитый за войну, они страшно довольны. Кажется, даже вино где-то нашли и отметили за обедом.

А ведь эта сеть связистов чем-то напоминает интернет... Особенно, когда там засели «наши».

Увы, расслабляться некогда, трёхдневный отдых закончился, и после обеда мы дважды летаем на штурмовку. На этот раз огонь зениток особенно плотен, и наше вечернее празднование испорчено – один самолёт из первой эскадрильи сбит над колонной врага. Лётчик, вероятно, в плену. Особист, гад, уже спрашивает, не мог ли он выпрыгнуть добровольно, с целью сдаться в плен. Лучше бы посмотрел на пробоины, которых у нас в сумме, наверно, с сотню. Да и сдаваться в плен тем, кого только что утюжил эРэСами и косил пулемётами, не лучшая идея. Вот сидят такие, под пули

не лезут, а лётчикам жизнь отравляют. Были бы у нас ил-2, я бы ему предложил слетать стрелком, чтобы почувствовал, гад, каково это. Но, по любому, пять самолётов в одном бою – это выдающийся результат. Особист подтвердил, что четыре хейнкеля уже нашли, и ещё два ищут по показаниям плененных. Распросил нас всех подробно, где падали фашисты. А нам не до того было, но приблизительно я указал. А остальные ориентируются гораздо хуже.

На следующий день мне не везёт – с утра на разведку летим, и я решил колонну пехоты из ШКАСов причесать. И надо же – одна пуля, простая винтовочная, попала в маслопровод. Еле долетел до аэродрома, в конце двигатель выключил и планировал. Весь остаток дня ушёл на ремонт. С моими тремя орлами слетал на штурмовку один раз Петров, а под вечер я на машине Назарова. Но у него нет эРэСов, так что штурмовал в основном Серёга, а мы немного из пулемётов добавили, не летать же просто зрителями. Наши чайки постепенно превращаются в хлам, долго им такую эксплуатацию не выдержать.

Комиссар обещает раскрутить эту историю, с пятью сбитыми, в назидание другим. А пока что они с Петровым написали представление на награждение меня орденом красного знамени. А я не радость чувствую, а усталость. Как мешок на плечи взвалил. А ведь отдыхал три дня, и сегодня только два вылета. Но тяжело, по грани ведь ходим...

С утра, как обычно, на разведку четвёркой. ЭРэСы на 600

установлены, потому что наземные цели встречаются чаще воздушных, и можно кроме разведки пострелять в то, что подвернётся. Но на этот раз нам встретилась восьмёрка мессеров. Просто разлететься они не хотят, кружат вокруг нас. Нам вчетвером против восьми не очень интересно, но и им трудно – в лобовую они не хотят, да и невыгодно им, в хвост зайти не могут – мы виражем уходим. Им надо что-то придумать, например, атаковать с разных сторон. Но, видимо, это превышает их уровень мастерства. Я припоминаю, что здесь, на юге, немцев была одна группа, примерно сорок машин. Вот их бы не встретить... Против восьми немецких асов с такими ведомыми, как у нас... Могут и всех четверых сбить, немцы гораздо нахальнее в бой лезут.

В результате мы пытаемся использовать наш козырь и вовсю палим эРэСами. Но на шестистах метрах рассеяние больше, и труднее предугадать, где будет мессер в момент взрывов. И мы безбожно мажем. Сначала я, потом Сергей, снова я, снова он, ещё раз он. Но с шестого раза мне везёт – один снаряд взрывается под крылом, половина крыла отваливается и мессер кувыркается вниз. При таком вращении выпрыгнуть трудно, мы парашюта не видели. Остальные больше биться не хотят (а они и до того держались на дистанции), и уходят на запад. Наш бой видели с земли и когда мы приземляемся, сбитый уже подтвердили.

Это у меня уже девятый, и первый мессер. Надо бы радоваться, а я чувствую усталость. Это после одного вылета.

Будь моя воля – я бы устроил эскадрилье отдых. Полетели бы куда-нибудь к реке, купались, рыбу ловили, костёр жгли... Дня бы на три. У англичан такое было – тридцать боевых вылетов – и месяц отдыха. У меня уже больше вылетов.

Наверно, это была не усталость, а предчувствие. Следующий вылет стал для меня последним. Обычное задание – штурмовка. Это опасно, но сколько их уже было. ЭРэСы на 600, заходим с юго-востока, от солнца. Первая пара ракет – точно в яблочко. От грузовиков ошмётки летят. Второй заход. Целюсь, и тут по мне попали. Три 20 миллиметровых снаряда – два в мотор, третий в меня. Сразу начинаю выводить самолёт из пике. Он слушается плохо, пока не понимаю, почему. Над самой землёй выравниваю, и медленно разворачиваюсь на восток. Мои парни за мной идут, прекратили штурмовку. А вот это зря, Сергею бы лучше продолжить выполнять задание. Вот Боря за мной летит – это нормально.

Так, а что, собственно, со мной? Какая-то слабость, глаза слипаются. Так, руки-ноги на месте. Но справа всё в крови, даже борт кабины. А рука... Я её поднять не могу. Кажется, снаряд в правое плечо попал. Кажется, я веду самолёт одной рукой. А вот боль какая-то странная, как сквозь сон. Вот спать как раз хочется. Может, выпрыгнуть? Нет, потеряю сознание и не дёрну кольцо. Надо садиться. Смогу с одной рукой? Лечу медленно – мотор не выдаёт привычной мощи, кажется, работают не все цилиндры. И греться начал. А вот шасси выпустились сжатым воздухом. Хорошо, в ручную я

бы не смог, пришлось бы на брюхо. Кажется, после касания земли я на пару секунд отключился. Смотрю – самолёт катится, но скорости не снижает. Так – сначала зажигание выключить. Теперь тормоз – вот и остановился. Ко мне бегут, кажется, это техники. Вылезти? Нет, прыжок с крыла – это сейчас не для меня. Меня хватают – вы что, охренели – за больное плечо, и я отрубаясь.

Мне снится, что мы в походе и встали на днёвку в лесу. Вдруг я понимаю, почему мы встали на днёвку. Самодельное сублимированное мясо оказалось испорченным, и у всей группы жестокое расстройство желудка, постоянный понос. Всё кругом уже загажено, и запах соответствующий. Открываю глаза – да, я в лесу. Надо мной ветки какого-то лиственного дерева. Может, это бук? Запах кругом отвратительный. Но не только поноса и дерьма – ещё и гноем и кровью припахивает, и чем-то гнилым, типа тухлого мяса, и чем-то больничным. Вот личико появилось, очень симпатичное. Да, таких девушек надо брать в поход. Или я не в походе?

– Где я?

– В медсанбате. Вам сделали операцию, а теперь вы пришли в себя. Теперь будете жить.

– Нашей двадцатой воздушной?

– Нет, обычной, 18-й армии.

– А почему я здесь?

– Вас бы не довезли. Вы много крови потеряли, а в машине очень трясёт. А мы от вашего аэродрома всего в двадцати

километрах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.